

ЕЛЕНА МАТЕУШ

ЧТИЦА
ИМПЕРАТОРА

Елена Матеуш
Чтица императора
Серия «Прихоть императора», книга 2

<https://litres.ru/73825319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эвелин больше не безымянная игрушка императора. Она получила должность при дворе - чтицы императора, что позволяет соблюсти приличия. Но действительно ли её положение улучшилось? Война продолжается, свободы выбора по-прежнему нет, а впереди ещё и встреча с людьми из прошлого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	83
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Елена Матеуш

Чтица императора

Глава 1

ПРОЛОГ

Император Дамиан Дагронис

С высоты холма, где обосновалась ставка императора, были хороши видны и ряды стоявших друг против друга армий, и резервные полки императорской гвардии, послушно ожидавшие своего часа, и, если чуть повернуться назад, оставленный войсками лагерь.

Герцог всё же решился дать генеральное сражение вторгшимся в Арджурию войскам. Похоже, понадеялся, что задавит императорскую гвардию числом. Зная, что армия Далия осадила Тарс, а наёмники Русселя дер Байоля рыщут по Тарсийской и соседней феме, штурмуя малые крепости и охотясь за идущими на помощь осаждённым отрядами, герцог поспешил вывести навстречу армии Комина своё объединённое войско. Рассчитывал, что расправится с императорскими войсками по частям. Да только сам угодил в ловушку.

Когда арджурцы осознали, что против них стоит не один мерарх Комин, а почти всё императорское войско, отступить было поздно. Впрочем, даже всё императорское войско, участвующее в Арджурской компании, уступала числом собранной герцогом армии. Сейчас, с высоты холма, это выдилось ясно. И шансы на победу у арджурцев имелись. Всё же в отличие от поединков, в войне победу определяет не искусство магии, а мощь пехоты и кавалерии. Правда, как хорошо знал император, мощь войска определяется не только числом воинов, но и их выучкой, умом, дисциплиной, опытом, талантом командиров. А в этом преимущество на стороне закалённой в боях императорской гвардии, а не арджурцев.

Император не сомневался, что и командующий левым флангом Алексис Комин, и командующий правым флангом Руссель дер Байоль его не подведут. А уж стоявшие в центре воины Далия, жаждавшие реванша после прошлого поражения, вырвут победу зубами, даже если противников будет в десять раз больше.

Возможно, чувствуя это, арджурцы не спешили наступать и двинуться вперёд пришлось императорским фалангам. После обмена залпами стрел, где преимущество явно было на стороне имперцев, ряды тяжёлой пехоты уже сошлись вплотную. Их стрелы, что нёс попутный ветер, запущенный магами воздуха, летели дальше и проредили ряды противника заранее. А вот ответные залпы причиняли имперцам мало вреда, сторя большей частью в защитных плетениях, что

успевали подпитывать стоявшие рядом с императором офицеры-маги.

Император, следивший за ходом сражения ещё и магическим зрением, ощущал в увертюре битвы странную фальшь. На стороне арджурцев собрались не менее сильные маги. Они не должны были допустить столь явное превосходство имперцев в использовании стихий и защиты. Такое возможно, когда сражение в разгаре и боевые маги частично выбиты, а частью истощили свой дар. Но битва только начиналась и подобная слабость настораживала. Похоже, где-то готовится магический удар, который за счёт концентрации сил обеспечит преимущество на каком-то участке. И в получившийся прорыв арджурцы нанесут главный удар.

Кавалерийские когорты перестраивались клином, готовясь взломать хорошо укреплённые позиции арджурцев, когда чутко прислушивавшийся к магическому фону Дамиан почувствовал его колебание. словно в воздухе собиралась гроза.

– Внимание, что-то готовится, – предупредил он. – Не теряйте сосредоточенности. Сюрпризом займусь я.

Каждый из стоявших на холме рядом с ним магов отвечал за свой участок и за свою составляющую магических плетений, что защищали воинов от вражеских заклятий, превращая наступающие фаланги в единый организм, прикрытый панцирем щитов и заклинаний. И они должны держать это общее плетение, пока бой не разобьётся на тысячу мелких

схваток, где перепутаются свои и чужие. Тогда у них найдутся другие задачи. Где-то напугать чужую конницу внезапно вспыхнувшей огненной стеной, где-то - воздвигнуть земляную стену или ломающий ноги овраг.

Но так будет позже. А сейчас их сосредоточенность помогает императорским фалангам без особых потерь взломать оборону противника, ворваться стальным дикобразом в ряды арджурцев.

Дамиан увидел, как с противоположной возвышенности, где обосновалась ставка арджурцев, в их сторону летит тёмный клубок заклятий. Плетение было сложным, многослойным и напитанным силой. Приближалось стремительно. Дамиан не успевал разобрать, какие именно заклинания вложены в смертельное послание. Он усилил щит, прикрывавший их, до предела, обратившись для этого к своей Древней крови.

Тёмный шар пролетел мимо и спустя мгновение Дамиан ощутил взрыв, когда за его спиной развернувшееся плетение заклятий столкнулось с не менее мощной защитой. Он обернулся, уже предполагая, что откроется его взору. В лагере полыхал огонь, сжирая его шатёр, где утром он оставил спящую Эвелин.

В памяти возникла картина, что он видел уходя. Рассыпавшиеся по подушке шелковистые пряди, точёное обнажённое плечо, выглянувшее из-под соскользнувшего одеяла. Тёмный веер ресниц на нежной светлой щеке, приоткрытый

во сне розовый ротик. Направлявшие удар маги знали, что императора в шатре в эти мгновения нет, но уверены были, что тот не пуст. Чувствовали жизнь внутри и ударили, желая её уничтожить.

Расчёт врага ясен. Они хотели отвлечь императора от битвы, заставить его броситься в лагерь, внести сумятицу в управление войсками. Они нащупали его слабое место и нанесли удар. Бежать к шатру поздно. Император повернулся спиной к оставленному лагерю и посмотрел на разворачивающееся сражение. Первые ряды уже смешались. Конница мчалась вперёд, но ещё не успела зайти далеко. Он может выпустить свою ярость на волю.

– Надоело. С этой войной пора кончать, – процедил Дамиан и скомандовал. – Играйте Зов!

Усиленный магией серебряный звук труб полетел над полем. Арджурцы с удивлением наблюдали, как стремительно отступают имперцы. Пехотинцы бегут. Всадники разворачивают коней и подхватывают замешкавшихся раненных солдат, что не могли отступить быстро.

Арджурцы не спешили догонять отступающих. О тактике “притворного отступления и засадного боя” им было хорошо известно. Попасть в ловушку дураков не было. Они ждали приказа сверху, не рискуя принимать решение самим в такой непонятной ситуации. Но приказ отдавать было уже некому.

В тот миг, как трубы отпели последнюю серебряную ноту сигнала, и Дамиан увидел, что отступление началось, он пе-

рестал сдерживать пробуждённую яростью Древнюю силу и ударил в центр арджурских позиций. Стоявшие за его спиной маги увидели, как там закрутился белый вихрь. Снежная пелена окутала возвышенность и сверкающая дымка принялась стремительно распространяться по позициям врага.

Всё живое замирало в тех позах, в каких их застало заклятие. Только усиливающийся ветер шевелил одежды застывших фигур. Тёмными комочками падали с неба погибшие птицы, которым не повезло в этот миг лететь над полем. Поднявшаяся под ветром белая пелена смерти окутала всё, лишь всполохи холодного синего пламени пробивались местами сквозь неё.

– Цезз, остановитесь! – обратился к императору его верный телохранитель.

Дамиан повернулся к Филу и тот невольно отступил под взглядом сияющих золотом глаз с вертикальными прорезями зрачков.

– Цезз, остановитесь! – всё же продолжил взывать к разуму императора Филип. – Скоро ваше проклятие достигнет городских стен. Вы сами потом пожалеете.

Дамиан моргнул и глаза его обрели свой привычный цвет.

– Ты прав. Думаю, этого им хватит, чтобы понять, кто победит в этой войне...

Император вытянул руку, вбирая в себя остатки выпущенной на волю силы. Сражение закончилось, не начавшись.

Глава 2

Ниса Эвелин дер Барри

Император, клянясь публично после Очищающего Пламени в том, что его чувства ко мне ни капли не изменились, не солгал. Он ведь не уточнял, что это за чувства. Не думаю, что это любовь. Хотя и я не люблю его.

Да, я была тронута его поступком. Но когда счастье от того, что я уцелела и всё страшное осталось позади, схлынуло, то стало ясно, что в наших отношениях мало что изменилось. Во всяком случае с его стороны. С моей изменения были. Я стала доверять Дамиану и ценить его честность. То, что он не лжёт мне о неземной любви, не обещает невозможное, а прямо и честно называет вещи своими именами, успокаивало. Всегда лучше знать правду и не питать иллюзий. Когда они разбиваются, это так больно! Куда больнее физических ран.

А Дамиан не обманывал. И не обещал защиту, а защищал. Его поступок заткнул рот всем, кто смел неуважительно говорить обо мне. Судьба сосланного Гайера стала хорошим предупреждением остальным. Мало кто знал подробности. Все считали, что император удалил его из ближнего круга за непочтительные слова обо мне, которые он не раз, и не два высказывал публично. И все притихли, прикинув, что если Дамиан наказал ссылкой за неуважение ко мне единственно-

го друга детства, то остальных и вовсе не пожалеет. Так что теперь мне все почтительно кланялись при встрече и отмеряли слова на золотых весах, чтобы, не дай Богиня-мать, я не увидела в них обиды.

Понять же, что можно стать поводом для обид, было непросто из-за моего не совсем ясного статуса. Так что я решила заговорить об этом с императором. Теперь, когда я узнала его лучше, мне было проще говорить с ним о том, что меня не устраивало. Я знала, что он не станет как-то вредить мне, даже если мои слова и просьбы ему не понравятся. Просто откажет и всё.

– Помните, как вы убеждали меня принять от вас драгоценности? – немного издалека начала я за завтраком. И уточнила. – Что их отсутствие вводит людей в опасное заблуждение.

– Помню, – подтвердил Дамиан, с насмешливым любопытством ожидая продолжения.

– Ещё больше их смущает то, что они не понимают как ко мне обращаться.

– Тебя кто-то оскорбил? – нахмурился Дамиан и со стуком поставил на стол чашку с отваром.

– Нет-нет! Рядом с вами таких глупцов не осталось, – успокаивающе улыбнулась я. – Но всем было бы проще, если бы они ясно понимали моё положение.

– Кто-то не понимает? – выгнул бровь Дамиан.

Я не смогла сдержать досады:

– Понимают слишком ясно! Но это неприлично!

– Что ты хочешь, Эви? Говори прямо. Титул?

– Нет, – отмахнулась я. – К титулу у женщины прилагается муж, а этого мне точно не надо!

– Согласен. Не сейчас. Такой, что закрывает глаза на то, что я сплю с тобой, не нужен тебе. А тот, что терпеть этого не станет, не нужен мне. Ни к чему создавать лишние сложности.

– И потом тоже не нужен. Вы обещали, что не станете искать мне мужа после того, как мы расстанемся, – поспешила напомнить я.

– Я помню, но вдруг ты передумала.

– Не передумала и не передумаю.

– Тогда что?

Хотя я заранее продумывала этот разговор, но просить о чём-то императора оказалось сложно. Все отрепетированные слова вылетели из головы, и я с трудом вытолкнула:

– Мне нужен официальный статус.

– Какой? Официальной фаворитки? Или выше?

– Нет, что ты! – вырвался у меня нервный смешок.

Неужели он всерьёз подозревает меня в стремлении стать императрицей? Я едва удержалась от жеста, отводящего несчастья:

– Я имела в виду какую-нибудь придворную должность, которая бы давала приемлемый повод находиться рядом с вами.

– Должность с жалованием?

Я смущённо кивнула. Деньги мне были нужны, и я собиралась их получать не за ночные утехы, а за работу, которая подразумевалась тем местом при дворе, на которое сочтёт возможным назначить меня император.

– Да. И комнату, которая числилась бы за мною.

– Ты надеешься покинуть мою спальню?

– Только если вы этого захотите. Но отдельная комната для меня позволит соблюсти приличия, – и решительно добавила. – И иногда мне всё же требуется уединение.

Дамиан помолчал, разглядывая меня, и о чём-то думая. Потом кивнул:

– Ты права. Так будет лучше.

Так я стала чтицей императора.

Казалось бы, мало что поменялось. Я даже не знала, какое жалование мне назначено, и в примыкающей к покоям императора отведённой мне комнате не ночевала, но для меня изменилось всё. Ушёл стыд и постоянное чувство неловкости. Я – вдова. Он – вдовец. И наши отношения никого не оскорбляют. И никого не удивляют. Таких не выставляемых напоказ связей полно и среди черни, и среди аристократов. Просто императору скрыть от подданных даже чих не возможно, потому с их стороны требуется иногда притворяться слепцами. И мой новый статус дал желающим такую возможность.

Что касается меня, то я больше не чувствовала себя уни-

женной, ведь я иду на эту связь добровольно. Честно признаюсь себе, что наши отношения доставляют мне не меньшую радость и удовольствие, чем Дамиану. Я не люблю его. Не обмираю от счастья, услышав его голос, не трепещу в восторге при виде его красоты, не думаю о нём ежеминутно, не мечтаю о будущем счастье с ним. Но я уважаю его, он прекрасный любовник, а ещё – рядом с ним я вновь ощущаю себя живой. Так, как никогда не чувствовала себя в браке. Мне интересно жить.

Несмотря на начавшиеся дожди и распутицу, из-за которой боевые действия почти прекратились, и мы прочно осели в замке на границе Фанкирской фемы, жизнь не остановилась. Граф Константис дер Финлис попросил разрешение у императора оставаться в своём родовом замке из-за болезни жены, но каждый день засыпал нас посланиями и каждые два-три дня появлялся сам. Благо, император помогал ему заряжать порталный артефакт, и перемещение графа не требовало времени и не зависело от погоды.

Как я поняла из обрывков разговоров и вопросов, что задавал мне Дамиан, граф использовал непогоду для поиска сторонников, переманивая на сторону империи посулами и немного угрозами.

Я вначале узнавала о том, с кем именно ведёт переговоры граф, по вопросам, которые начинал задавать мне император. Признаюсь, мне льстило, что он интересуется моим мнением, но всё же предупредила:

– Я знаю этих людей куда меньше, чем граф Финлис, и последние годы больше по слухам. Вам лучше спрашивать у него.

– Не волнуйся, я спрашиваю и его, и Комина, и тебя. Ты разбираешься в людях, и у тебя нет личных интересов, так что твоё мнение для меня имеет свою цену.

Но довольно быстро и я оказалась втянута напрямую в тайную дипломатию. Похоже, слухи обо мне постепенно распространялись по Арджурии, и я стала получать письма от моих прошлых знакомых. Не все фрейлины Юлианы отправились с ней в Бактрию. Многие вернулись домой и, как и я, были выданы замуж. Я думала, что за десять лет они забыли о моём существовании, ведь за все годы моего замужества вестей от них ни разу не поступало. Но оказалось, что они меня прекрасно помнили и всегда “ценили нашу дружбу”.

Причины столь внезапного и одновременного пробуждения памяти были очевидны, но я в ответных письмах делала вид, что верю в их бескорыстие. Тем более, что с прямыми просьбами никто из них не обращался, и если бы не десять лет молчания, тёплые слова и обращение к общим воспоминаниям выглядели бы вполне искренне.

И я на них не обижалась. Когда-то им приказали забыть обо мне, а теперь обстоятельства изменились, и интересы семьи и рода потребовали вспомнить. Они, как послушные дочери, а теперь и жёны, подчинились и теперь прощупывают почву - готова ли я так же легко возобновить знакомство. Я

была готова.

Имена возродившихся подруг заносились в список, который вёл Филип, верный Пёс императора, сопоставлялся, как я поняла, с конфидентами графа Финлиса, и служил для оценки настроений в Арджурии.

Я не интересовалась, как используют эти сведения в дальнейшем. Старалась не погружаться в политические интриги глубже необходимого. Мои знакомые по прежней жизни тоже не стремились обсуждать со мною политические расклады, ограничиваясь осторожным обменом накопившимися жизненными новостями и сплетнями. “Агатэ, помнишь её? Она ещё так гордилась своей тонкой талией, родила четверых и ужасно располнела. Я ей так сочувствую!” “Ирида овдовела и теперь её часто видят в обществе младшего дер Леорага”.

В ответных письмах я сожалела, что ничего такого же увлекательного написать не могу, так как много лет провела в отрыве от столь изысканного общества, и в моём глухом углу ничего интересного не происходило. И не происходит. Предупреждала, что поступила на службу императора Дамиана Дагрониса в качестве чтицы, и если они сочтут, что связь со мной может повредить их близким, то я не обижусь на прекращение переписки. Но, вот странность! никто переписку не прекратил. Больше того, я стала получать уже и подарки.

Присылаемые подарки подтвердили, что мои прежние

знакомые действительно меня помнили. Ни одна не рискнула послать мне то, что можно было счесть оскорбительным подкупом – украшения или драгоценные камни. Нет, только милые дамские пустяки! Шёлковый шарф под цвет моих глаз, редкие травы и пряности, бактрийские кружева вместе с собственноручно изображённым рисунком модного в столице герцогства фасоном платья, где такие кружева используются, изящное зеркальце в серебряной рамке. Бытовые артефакты, что облегчат походную жизнь. Книги и свитки, “чтобы мне было что прочитать императору”.

Все дары тщательно проверялись Филипом, но наложенных проклятий или других неприятных сюрпризов обнаружено ни разу не было. Так что моё хозяйство, к радости Мары, постоянно пополнялось полезными и ценными вещами.

– Не вздумай отказываться, – предупредил меня Дамиан, когда я получила первый такой дар.

– Но мне нечем отдариваться.

– И не надо. Сам факт, что ты приняла подарок, уже милость с твоей стороны. Ты демонстрируешь этим своё расположение, а расположение особы, приближенной к императору, ценно само по себе. В будущем тебе иногда придётся возвращать полученное или сразу не давать возможность сделать подарок, демонстрируя мою немилость, но сейчас принимай всё. Обнадёживай. Только сообщай о подарках Филипу и мне.

– Чтобы он проверял, не опасны ли они?

– Не только. Мне интересно, насколько высоко они ценят твоё расположение, а значит, и возможность получить моё, – пояснил Дамиан и с усмешкой добавил, понюхав мешочек с травой. – Пока, похоже, не очень.

– Ты ничего не понимаешь! Ой, простите.

– Эви, наедине ты можешь обращаться ко мне на ты. Я ведь уже говорил тебе об этом.

Я предпочла сделать вид, что не услышала. Держать дистанцию с Дамианом с каждым днём становилось всё труднее, а надо было. Так что я предпочла построить фразу так, чтобы в ней не звучало ни “ты”, ни “вы”.

– Во-первых, Маргарис показала этим подарком, что помнит о моём увлечении зельеварением. Во-вторых, эта трава очень редкая, и такой мешочек стоит на вес золота!

– Вот как! Это действительно всё меняет. Род твоей Маргарис стоит взять на заметку. Сумели тонко продемонстрировать свою возможную лояльность, к тому же первыми. Значит, дорогая, на будущее не только сообщаешь о подношениях, но и даёшь мне или Филипу такие же пояснения для полноты картины.

– Хорошо

Глава 3

Из-за моей активной переписки комната, что отвели мне, больше походила на кабинет, чем спальню. Стоявшая там неприлично узкая кровать предназначалась, по видимому, слуге или камеристке знатного гостя или гостьи, которых селили в покоях, ныне занятых императором.

Когда после возвращения из храма Очищающего Пламени, мне её выделили, то кровать собирались с извинениями заменить, но я отказалась. Очевидно было, что мои ночи по-прежнему будут проходить в императорской спальне, а потому узость здешнего ложа особого значения не имела. Зато это экономило место и позволяло разместить в небольшой комнате дополнительную мебель – столик и бюро. За ним я теперь и проводило много времени. Писала письма, просматривала книги, подбирая тексты, что буду читать императору, делала в них пометки.

Возможно кого-то это и удивило, но я действительно исполняла обязанности чтицы: читала вслух императору и иногда его гостям. Дамиан говорил, что мой голос его успокаивает, а остальные, похоже, считали возможность послушать меня особой честью и привилегией. К тому же наступившее предзимье с размокшей землёй и постоянным унылым холодным дождём лишило всех большинства развлечений – ни поехать, ни поохотиться, ни состязаний на улице не устро-

ить. Так что моё чтение помогало заполнить время и хоть как-то отогнать скуку.

Меня же бесконечно радовала появившаяся собственная комната. Словно клетку, где меня держали до этого, приоткрыли и разрешили полетать в огороженном сетью пространстве. Далеко не улетишь, но хоть крылышки разомнёшь. Возможность перестать быть привязанной к императору тенью многого стоила. Место, где я вновь принадлежала только себе.

Теперь я могла спокойно ходить по замку, с достоинством глядя в глаза встреченным людям. Я больше не была безымянной любовницей, то ли пленницей, то ли трофеем, превратившись в придворную даму, занимающую достойную зависти многих должность.

У меня появилась ещё одна служанка, которой командовала Мара. Её привёз мне как подарок от супруги граф Финлис. Как написала в сопровождавшей подарок записке ниса Лария, девушка прекрасно разбиралась в новинках моды и должна была помочь мне с обновлением гардероба. Учитывая пожелания императора и моё новое положение придворной дамы, я не стала отказываться от предложенной помощи. Эмис, как звали горничную, заметно облегчила мою жизнь, не только тщательно следя за моими нарядами и причёской, но и взяв на себя переговоры с портниками, которые зачастили ко мне по приказу Дамиана. Теперь, когда мы остановились на одном месте на месяц, а возможно и больше,

император в приказном порядке велел мне обзавестись “достойными” платьями и “всем прочим”.

Благодаря Эмис мне приходилось тратить время только на примерку, что тоже утомляло изрядно, но куда больше его уходило бы, если бы мне пришлось ещё и выбирать ткани, объяснять требуемые фасоны, контролировать качество выполняемых работ. Послушав один раз её объяснение с портнихой по поводу первого заказанного платья, я малодушно махнула рукой и доверилась ей в этом полностью. Тем более, что этого первого раза мне хватило, чтобы понять – вкусу Эмис, в отличие от Мары, я могу полностью доверять. У моей верной служанки было множество достоинств, только представление о вкусе и элегантности среди них отсутствовало. В представлении Мары красиво – значит демонстративно дорого. К тому же, она, как и я, десять лет провела на краю Арджурии, куда столичные моды доходили с двадцатилетним опозданием. Эмис же, служившая супруге графа Финлиса, стратига Фанкирской фемы, была в курсе того, что нынче принято носить при герцогском дворе.

Когда я попыталась пригасить энтузиазм Эмис, которая поделилась со мной планами на приобретение “необходимых обновок”, император, услышавший наш спор, встал на её сторону.

– Эвелин, у твоей горничной рассудительности больше, чем у тебя. Она явно лучше знает, как должна быть одета моя... придворная дама. Не слушай свою скромную хозяйку

и приобретай, всё, что считаешь нужным, – кивнул он ей.

Это стало для меня ещё одним подтверждением, что в ближайшее время мы не расстанемся. До окончания Арджурской компании моё место при императоре. Даже если он найдёт другую любовницу, от моей помощи он не откажется. Оказалось, что я могу быть полезной в некоторых вопросах почти как граф Финлис. Во всяком случае, по количеству адресатов мы вполне могли с ним сравниться.

Переписка со мной выглядела более безобидной, чем с ним, и позволяла без проблем отступить, ведь письма женщин со сплетнями и уверениями в вечной дружбе совсем не то, что общение с главой рода, принёсшего вассальную клятву захватчику.

Да, эти письма, казалось, не значили ничего серьёзного. В отличие от истории с дер Рубитас, эти дамы даже не упоминали о возможности мужчин их рода принести клятвы императору, но с каждым новым именем, занесённым в список, Дамиан выглядел всё более довольным.

– Они все уже допустили возможность моей победы. И смирились с ней, – торжествующе улыбнулся он, просматривая в очередной раз список дам половины знатнейших родов герцогства. – Когда я войду в Финлисс, они все придут на поклон Империи, и через тебя уже сейчас готовят для этого почву.

Я тоже так думала и ничего не имела против. Если наши письма уменьшат количество пролитой крови, то и хорошо.

Тем более, что большинство этих дам не были моими врагами в прошлом. Мелкие интриги и сплетни, косые взгляды и пущенные обо мне слухи теперь, спустя десять лет и целую новую жизнь, которой стали для меня годы брака, казались такой мелочью!

К письму от ниса Бэзила Гарибада я не могла отнестись так же спокойно. Я узнала его почерк ещё до того, как прочитала подпись. У меня задрожали руки от внезапно ожившего страха, что внушал мне этот человек когда-то в прошлом.

– От кого письмо? – спросил наблюдавший за мной Дамиан.

Все полученные письма я читала только при нём чтобы избежать ненужных подозрений.

– От ниса Гарибада.

– Ниса? Не нисы? – и на мой кивок уточнил. – Поклонник из прошлого? Давай я сам письмо тебе прочитаю.

Возможно, он ожидал отговорок, но я отдала ему конверт с радостью. Мне неприятно было держать его в руках. Я не ожидала, что прошлые чувства так легко оживут.

– Драгоценнейшая ниса Эвелин, – прочитал Дамиан. – Слухи о вашем новом положении достигли моих ушей. Должен признаться, несколько не удивлён, что ваше имя звучит нынче рядом с именем Дагрониса. Сами боги противятся тому, чтобы столь редкая жемчужина прозябала в медвежьем углу и приложили руку к тому, чтобы вы вновь заняли достойное вас место.

Читал Дамиан, а я словно вновь видела насмешливую улыбочку на губах Бэзила Гарибада, слышала его ленивую манеру растягивать слова.

– Издевается! – прошипела я.

– Думаешь? – оторвался от письма император, бросив на меня задумчивый взгляд. Не сказав больше ничего, продолжил чтение. – Я покорнейше прошу прощение за прежние недоразумения и надеюсь, что вы в вашем бесконечном милосердии с высоты нынешнего опыта простите мне тогдашнюю дерзкую настойчивость, с которой я пытался завоевать вашу благосклонность. Это лишь от свойственной мне тогда пылкости и восхищения вашим совершенством. Буду счастлив, если вы примите в качестве моих извинений в знак того, что прошлое осталось в прошлом, этот скромный дар.

При упоминании дара брови Дамиана недоумевающе выгнулись, он вновь взял в руки брошенный до этого конверт и извлёк из него сверкающий камень.

– Ого! Как это понимать? Он так тобой восхищается или оскорбление, нанесённое им тебе, столь велико?

Голос императора звучал спокойно и мягко, но я уже знала, как обманчиво это впечатление. Чем более сильные чувства он испытывал и чем более серьёзные решения принимал, тем спокойней выглядел.

– Если он кем и восхищается, мой император, то скорее вами. Прошло уже десять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, но вспомнил он о своём восхищении только

сейчас, когда моё имя зазвучало рядом с вашим.

Дамиан никак не прокомментировал мои слова, а молча смотрел на меня, явно ожидая продолжения.

– А что касается оскорбления... Пожалуй, нет. Он преследовал меня своим вниманием, но границ не переходил. Не знаю, как далеко он зашёл бы, но за меня заступилась герцогиня и выдала замуж за дер Барри. Тогда он пугал меня, но сейчас, “с высоты нынешнего опыта”, – нервно хохотнула я, – понимаю, что он так ухаживал. В общей с вами манере – подкуп и шантаж, шантаж и подкуп.

Наверно, это напоминание о прошлом выбило меня из колеи, иначе я не посмела бы в таком тоне заговорить с императором. Я думала Дамиан возмутится, но он отложил письмо и камень в сторону, подошёл ко мне и одной рукой крепко обнял за талию, а второй приподнял мне лицо и взгляделся в глаза.

– Он стал твоим любовником?

– Нет! Он не насильник, а я тогда была невинной девицей и слишком боялась его, чтобы уступить. Он внушал мне отвращение.

– В отличии от меня?

– В отличии от тебя, Дамиан, – подтвердила я.

Зачем отрицать очевидное?

Похоже, моих слов Дамиану показалось мало, и он поцеловал меня. Вначале осторожно, словно проверяя реакцию, а когда я охотно ответила, то страстно и жарко.

Какое-то время мы упоённо целовались, но когда я уже настроилась на ожидаемое продолжение, Дамиан отстранился и вновь вернулся к расспросам.

– Значит, для тебя я не такой, как он?

– Не такой, не такой. У тебя хватило совести не домогаться невинной девушки.

Дамиан вначале непонимающе моргнул, а потом сообразил:

– Ты про свою родственницу? Как её там, Зои, кажется?

– Про неё. Хотя да, вспомнила! – и я процитировала вре́завшиеся мне в память слова. – С девственницами слишком много хлопот.

Мы по-прежнему стояли лицом к лицу, и я заметила, что Дамиан смутился.

– Не в этом дело. Просто она меня не заинтересовала. В отличии от тебя.

– Я должна почувствовать себя польщённой? И простить вас за тот вечер?

Не смогла сдержать неуместного упрёка, вновь вспомнив тот ужасный ужин. Думала, что император рассердиться или станет спорить. Но он поморщился:

– Да, начало получилось неудачным.

“Только начало?!” – хотелось воскликнуть мне, но я сумела сдержаться. Но что-то всё же, похоже, мелькнуло в моих глазах, потому что Дамиан начал оправдываться.

– Я не думал...

По запинке я догадалась, что дальше должно было прозвучать что-то типа “что ты задержишься так надолго”, но Дамиан растерянно и смущённо улыбнулся, и продолжил иначе:

– Я вообще тогда не думал. Увидел тебя и захотел.

Я ждала уточнения – чего именно захотел император, но уточнения не последовало.

– Ты не думай, Эви, я умею ухаживать красиво, но тогда времени на ухаживания всё равно не было, так что решил идти на штурм сразу.

– А потом?

– Что потом?

– Потом почему не проявили свои умения? – и уточнила, видя искренне непонимание на лице Дамиана. – Свои умения красиво ухаживать.

– А зачем?

Действительно!

Дамиан вновь притянул меня поближе и осыпал поцелуями лицо и шею, приговаривая между ними:

– Нам ведь и так хорошо. Если тебе что-то надо, ты только скажи.

Я положила ладонь ему на грудь и чуть отстранилась.

– Если хочешь исправить неудачное начало, дай слово, что отпустишь меня, когда я этого захочу.

Руки Дамиана крепко сжали мою талию. Он внимательно посмотрел на меня.

– Нет. Я не привык давать обещания, которые не смогу сдержать. Мы расстанемся, когда я этого захочу.

Я опустила ресницы, пряча взгляд. Во-всяком случае, император честен.

Дамиан крепко обнял меня, а я, желая избежать поцелуев, прижалась лицом к его груди. Он уткнулся лицом мне в макушку, вдохнул запах волос. Когда заговорил вновь, то в голосе его послышалась усмешка:

– Знаешь, думаю, твой Гарибад прав.

– Он не мой!

– Не важно. В главном он прав. Это сами боги привели меня в твоё поместье. Бог-Воин решил наградить меня за всё таким ценным ...

– Трофеем? – подняла я голову, чтобы увидеть серьёзное лицо и смешинки в глазах.

– Даром! Ты – подарок богов, и с моей стороны грех от него отказываться.

– Не слишком-то тебя боги ценят, раз подсунули меня вместо юной красавицы.

– Не говори ерунды! У кого ещё, кроме подарка Бога-Воина, могут быть такие щёчки, такие глазки, ... такие ушки, ... такая лилейная шейка...

Слова эти произносились таким мурлыкающим тоном, сопровождались такими нежными поцелуями, что меня разбирал смех вперемешку с желанием, и желание побеждало. Ноги слабели, а тело плавилось.

Глава 4

Когда спустя время удовлетворённая страсть схлынула, император вернулся к прежней теме.

– Если Гарибад по-твоему забыл тебя, то почему не написал Финлису? Политические союзы разумней обсуждать через графа.

– Финлисы и Гарибады враждуют ещё с тех времён, когда из-за предательства вторых первые потеряли шанс стать герцогами Арджурии.

– А у Финлисов был такой шанс?

– Конечно. Название столицы Арджурии не случайно же совпадает с названием этого рода. Её основал предок графа Константиса. Но когда эти земли вошли в Империю, Гарибады подыграли Гаскарисам и тогдашний император поставил наместником Арджурии главу рода Гаскарис, а не Финлис.

– Не знал. В истории, которой меня учили, ничего не было о таких нюансах.

– Империя большая и подобных историй в её провинциях столько, что описать все никаких летописей не хватит. Спроси меня про Вукелларию или Анталику, я тебе про тамошнюю кухню ничего бы не сказала. Их историю в Арджурии так подробно, как свою, тоже не учат.

– Всё же то, о чём ты говоришь, случилось давно, а Константис не кажется мне человеком, который станет враждо-

вать из-за предательства многовековой давности.

– Видишь ли, Гарибады не изменяют себе. В Арджурии шутят, что фраза “Вовремя предать - это не предать, а предвидеть” – их родовой девиз. Они всегда умеют вовремя выбрать нужную сторону, а Финлисы - они не такие. Из-за этого Гарибады всегда при троне, а Финлисы – нет. Хотя до меня доходили слухи, что Бэзила Гарибада герцог Федр недолюбливает. Если бы не покровительство герцогини-матери, он бы своих постов при дворе не удержал.

– Ценный кадр. Перетянуть такого на свою сторону...

– Ты хочешь, чтобы я ему ответила?

– Нет! Я сам ему напишу. И подарок от него ты не при-
мешь.

– Спасибо!

– За что? Многие на твоём месте обиделись бы, что я лишаю их столь ценного подарка.

Я передёрнулась, представив, как цепочка с драгоценной подвеской холодит мою шею.

– Не я. Не хочу иметь что-то общее с этим скользким зме-
ем.

– Не волнуйся, дорогая, я, конечно же, компенсирую тебе потерю Надеюсь, от меня ты такой подарок примешь?

Мы лежали в постели, и Дамиан даже приподнялся на локте, чтобы лучше видеть моё лицо. И я ответила то, что от меня ожидали.

– Приму.

Уверена, что если когда-нибудь император будет принимать Гарибада, на мне в этот миг будет сверкать камень превосходящий в размере тот, что сегодня выпал из конверта в ладонь Дамиана.

Что это так и будет, я убедилась довольно скоро. Пользуясь тем, что из-за длительной непогоды военные действия практически остановились, император несколько раз порталами посещал столицу Империи Дагронию. То ли решал с Сенатом какие-то вопросы по Арджурской компании, то ли приглядывал, чтобы в его отсутствие не расцвели заговоры. Но в отличии от прошлого раза его отсутствие длилось недолго - один, два дня, и я не тревожилась. Тем более, что Гайера рядом не было, а других смельчаков, рисковавших хоть как-то задеть меня, больше не находилось.

И вот после одного из таких коротких посещений столицы Дамиан заявил:

– Эвелин, я ведь говорил тебе, что всегда держу обещания? Вот, это тебе вместо камушка Гарибада! Как, нравится?

На тёмном бархате шкатулки лежало прелестное ожерелье, отличавшееся не броским богатством, как те украшения, что когда-то приносил Гайер, а тонким вкусом мастера, подбором и чистотой камней. Кстати, камней в нём было не так много, но три из них не уступали в величине и качестве подарку Гарибада, остальные, более мелкие и других видов, их красиво оттеняли игрой цвета.

– Нравится, – не могла не признать я. – Такая красота!

– Не прекрасней, чем ты!

Иногда Дамиану удавалось быть галантным и при этом выглядеть искренним, так что я решила не портить столь редкий миг спорами и сомнениями, а просто поцеловала его в благодарность за действительно красивый подарок.

К моей радости Дамиан не настаивал на том, чтобы я его непременно носила. Всё же носить на себе столь дорогое украшение скромной чтице было не по статусу.

Вообще по поводу того, что носить мне по статусу, а что нет, у нас с Дамианом порой случались жаркие споры. Ему хотелось, чтобы каждому при взгляде на меня становилось ясно - это женщина императора, и он для неё ничего не жалеет. Мне же, наоборот, хотелось выглядеть достопочтенной вдовой и рядовой придворной дамой, чтобы избежать ненужной зависти и пересудов. Страсть императора рано или поздно пройдёт, а моя репутация останется.

В результате мы пришли к компромиссу, и чаще всего я носила скромные по фасону и расцветке платья, сшитые из самых дорогих тканей. Украшений на мне тоже было немного, но они были сделаны хорошими мастерами. В результате в глазах людей простых и провинциальных я выглядела скромно, но достойно. А вот те, кто разбирался в истинной роскоши, правильно оценивали настоящую стоимость моих “скромных” нарядов и тоже делали нужные выводы.

Потому когда Дамиан велел мне на вроде бы рядовой ужин надеть подаренное им ожерелье и не поленился лично

выбрать к нему платье, я поняла, что за ужином мне предстоит встретиться с Бэзилем Гарибадом или, по меньшей мере, кем-то из его ближайших вассалов. И не ошиблась.

О том, что в замок прибыл именно Бэзил Гарибад мне сказала Мара, которая увидела, когда он шёл на встречу с Дамианом в Северную башню.

– Злыдень этот явился, – предупредила она. – Но теперь тебе его бояться незачем. При такой-то, как у тебя, защите, теперь ему впору бояться. Тебе достаточно бровкой повести и Его Императорское Величество злыдня пуще того рыжего размажет. И вообще! Это когда-то он ястребом гляделся, а теперь - петух потрёпанный!

Мара презрительно и злорадно фыркнула. Я поняла, что и она тогда боялась Гарибада, и, может быть, больше, чем я, переживая вдвойне – за меня и за себя. Ведь служанке безродной сироты, вставшей на пути знатного аристократа к возжеленной цели, могло достаться куда больше. И вступить за неё было совсем некому. А теперь она избавляется через насмешки от прошлых страхов.

Иногда мнение врагов о тебе значит для твоей самооценки больше, чем дружеское. Вот и мне не хотелось выглядеть в глазах Гарибада “потрёпанной курицей”, если воспользоваться образом Мары. Всё же с тех пор, как мы виделись, прошло десять лет, я утратила юную прелесть и очарование невинности. Не хотелось увидеть в глазах прежнего поклонника снисходительную жалость или насмешку. Потому перед

выходом я не поленилась заглянуть в уже покинутые Дамианом покои и внимательно оценить себя в зеркале.

Выбранное Дамианом платье со скромным вырезом красиво подчёркивало мою фигуру, которая если и изменилась с юности, то только в лучшую сторону: талия оставалась столь же тонкой, зато появившиеся округлости делали меня более женственной. Красиво уложенные Эмис волосы и нанесённый лёгкий макияж преобразили лицо. Я и в свои семнадцать не выглядела такой красавицей!

На сердце стало спокойней – Гарибаду не удастся, если он захочет, унижить и задеть меня ядовитыми намёками по поводу моей внешности или возраста. Зеркалу я верю больше, чем недоброжелателю.

И эта уверенность мне весьма пригодилась, когда войдя в зал, я наткнулась на пристальный взгляд Бэзила Гарибада. Время действительно отнеслось к нему суровой, чем ко мне. Проредило и посеребрило тёмные кудри, мешки под глазами и появившийся животик выдавали ценителя хорошей кухни и изысканных вин, но на “потрёпанного петуха” он не подходил. Скорее на змея перед линькой. Да, шкура потрепалась и потускнела, но яд никуда не делся. И укусить он по-прежнему может.

В цепком взгляде, устремлённом на меня, больше не горел тёмный огонь желания. Он был холоден и тяжёл. Казалось, меня разобрали на части, и каждую часть взвесили и оценили. Сочли достойной любезной улыбки и дальнейшей иг-

ры. Бэзил Гарибад вальяжной походкой направился ко мне, оставив общество Алексиса Комина и графа Финлиса.

– Ниса Эвелин, счастлив вновь видеть вас, – не дойдя до меня несколько шагов, склонил он голову в приветственном поклоне. – А вы изменились!

– Вы тоже.

– Да уж! Годы идут, – правильно понял мой намёк Гарибад. – Но в вашем случае они пошли на пользу. Нежный бутон превратился в прекрасную розу. Услада для глаз!

– Вы очень любезны, нис Гарибад.

– О, в память о нашем давнем знакомстве можете обращаться ко мне как прежде по имени – Бэзил.

Его глаза насмешливо сверкнули. Похоже, он тоже помнил, с каким трудом мне когда-то давалось произносить его имя, даря ему возможность на ответную фамильярность. Тогда с моей стороны это была вынужденная и нежеланная уступка человеку, которого я боялась. Сегодня у меня был выбор. Как называть этого “знакомца” – теперь решала я. Наверно, Гарибад хотел смутить меня этим напоминанием о прошлом. Но мне вдруг показалось забавным подразнить разом и его, и императора.

– Как мило, Бэзил, с вашей стороны напомнить о нашей прошлой дружбе, – надеюсь, мне удалось пропитать по его примеру любезную улыбку не меньшим ядом. – Всё же разница в нашем положении ничуть не изменилась. Вы по-прежнему глава одного из знатнейших родов и член герцог-

ского Совета, а я – безродная сирота, а теперь ещё и вдова скромного провинциального аристократа.

– Ах, Эвелин, я ведь объяснял вам, что только глупец оценивает женщину по её статусу и происхождению. Сила её совсем в другом. Даже безродная сирота может обладать властью, способной щедро одарить или уничтожить человека. У вас в прошлом были лишь два недостатка – скромность и порядочность, которые и помешали понять это.

– Хотите сказать, что сейчас я их утратила? – не смогла сдержать удивление его наглостью.

– Не могу говорить с уверенностью. Всё же первая встреча после долгой разлуки. Но судя по вашему нынешнему положению, эти качества уже не так мешают вам жить, как раньше.

Мне нечего было ему возразить, и это особенно злило!

– А вы не опасаетесь, Бэзил, что новая я, лишённая “недостатков” решу использовать ваши уроки и уничтожу вас? Думаете, у меня не получится?

Не успели эти слова вырваться, как я уже пожалела. Дала повод Гарибаду посмеяться над моими пустыми угрозами. Для меня стало неожиданностью, что он, хоть и улыбался, но явно воспринял их всерьёз.

– Уничтожить меня не так просто, хотя при должном старании у вас может получиться. А вот доставить мне множество неприятностей у вас выйдет без труда. Только стоит ли? Неужели я так сильно задел ваше сердце, что вы до сих пор

носите в нём обиду на меня?

Последняя фраза явно предназначалась не столько мне, сколько подошедшему к нам императору.

– Как интересно, нис Гарибад! Чем же вы могли так обидеть мою ... чтицу? – спросил Дамиан, став неприлично близко ко мне.

– Клянусь, ничем, Ваше Императорское Величество! Разве что излишним рвением, с которым выражал своё искреннее восхищение достоинствами нисы Эвелин. Но, уверен, в этом вы меня понимаете.

Наглость Гарибада меня даже восхищала. Он нисколько не ступевался под тяжёлым взглядом Дамиана и, глядя из-за разницы в росте снизу вверх, насмешливо сверкал тёмными глазами.

– А что скажете вы, ниса Эвелин? – обратился ко мне император. – Насколько глубока ваша обида? Стоит ли уничтожить ниса Гарибада, чтобы вас утешить и порадовать, или обойдёмся мелкими неприятностями?

Теперь и Дамиан улыбался, и оба, такие улыбочивые, внимательно смотрели на меня, ожидая ответа. Хотелось и мне в ответ пошутить – мол, уничтожьте его, Ваше Величество! Но я не рискнула. Кто знает, как далеко зайдёт наше веселье?

Глава 5

Может по каким-то своим соображениям император желает уничтожить Гарибада и использует мои слова как повод для расправы? А я, положа руку на сердце, не желала никому смерти. Мой страх перед Гарибадом остался в прошлом, а больше ничего я не могла поставить ему в упрёк. Я так и сказала:

– Нет, Ваше Величество, не стоит тратить ваше время даже на мелкие неприятности для ниса Гарибада из-за меня. Пусть прошлое остаётся в прошлом. А в настоящем не думаю, что Бэзил даст мне повод расстраиваться из-за него, – не смогла удержаться от лёгкого укола я.

– Как видите, нис Гарибад, у нисы Эвелин кроме двух названных вами недостатков, есть ещё один, – дал понять, что слышал наш разговор Дамиан. – Это излишне доброе сердце.

– В данный момент я склонен считать это скорее одной из бесчисленных добродетелей нисы. Как и умение прощать.

Гарибад почтительно склонил голову передо мной и выпрямился, вопросительно глядя на меня. Он явно хотел убедиться, что я действительно не держу на него зла.

– Скорее у меня плохая память, – немного принуждённо улыбнулась я.

Мне совершенно не нужно иметь Гарибада во врагах, а так и будет, если он увидит во мне опасность.

– Ценное качество для женщины, – засмеялся Гарибад.

– Зато я на память не жалуясь, – заявил Дамиан.

– О, тогда, надеюсь, вы не забудете, что в вашей встрече с нисой есть и моя заслуга, – и видя наше с Дамианом удивление, пояснил. – Если бы не безосновательный страх перед моими ухаживаниями, ниса Эвелин никогда бы не согласилась на предложенный герцогиней-матерью брак с дер Барри и не оказалась бы на пути вашего войска.

Гарибад никогда ничего не говорил прямо, и я не смогла сдерживать удивления, расшифровав его намёк.

– Вы хотите сказать, что герцогиня Юстиниана приказала вам пугать меня?!

– Нет, ухаживал я за вами по собственной инициативе, потому что был очарован вами. Но герцогиня не могла не знать об этом, как и о том, что моя настойчивость вас пугает. Как ваша покровительница она могла остановить меня в любой момент, но не делала этого. Напротив, поощряла мою настойчивость. Неужели вы думаете, что какой-то дер Барри мог остановить меня? – презрительно скривился Гарибад. – Я отступил, потому что так велела герцогиня.

– Вот как,.. – всё, что могла сказать я.

В детстве я немного боялась герцогиню. Потом - безмерно уважала и восхищалась, подражала ей во всём и изо всех сил старалась заслужить её одобрение. Уже давно герцогиня не была в моих глазах доброй феей, пригревшей бедную сироту. Но новое подтверждение того, что она играла мною,

потревожило старую боль. Ведь она женщина и прекрасно понимала, как мне неприятно, страшно из-за настойчивого преследования взрослым и влиятельным мужчиной, которому я не могла противопоставить ничего, кроме её призрачной защиты. Гарибад прав. Она не могла не знать об этом и могла остановить его в любой момент. Но не останавливала. Как я не видела очевидного? Но и сейчас думать об этом было неприятно, и я предпочла перевести тему.

– А вы не боитесь, что герцогиня узнает о вашем визите к императору?

– Как вы заботливы, Эвелин! – насмешливо сверкнул глазами Бэзил Гарибад. – Не боюсь. Она прекрасно об этом знает. Больше того, она меня на него благословила.

– Как любопытно, – прокомментировал император. – Она хотела мне что-то передать?

– Нет. Этот нюанс моего визита должен был оставаться для вас тайной. Но я не могу обманывать императора, – патетично заявил Гарибад и с показным почтением склонил голову перед Дамианом.

– Bravo, Бэзил, – хлопнул в ладоши стоявший до этого в стороне граф Финлис. – Предавать сразу двоих правителей, да ещё так легко признаваться в этом – я в восхищении! Вы истинный представитель вашего рода!

– Ничего, Константис, когда-нибудь и у тебя это получится! – похлопал по плечу графа Гарибад. – Предать один раз у тебя уже получилось. И так вовремя, что даже я позавидовал.

Граф Финлис вспыхнул, но сдержался. Только скрипнул зубами.

– Я всегда буду помнить, что граф стал первым арджурцем, обновившим вассальные клятвы Империи. Но у вас ещё есть шанс занять достойное место рядом с императорским тронном. Впрочем, об этом не стоит говорить на голодный желудок. Приглашаю вас разделить со мной ужин, – и Дамиан предложил мне руку, чтобы провести в распахнувшиеся двери малой столовой.

Теперь, после слов Бэзила, стало понятно, почему круг гостей этого ужина столь узок. Из дам была только я. Похоже, визит его должен был быть окутан тайной. Сохранить его полностью в секрете невозможно, но знать детали встречи главы рода Гарибад и императора смогут немногие.

За столом ничего важного не обсуждали. Мне пришлось поддерживать светский разговор и создавать лёгкую атмосферу сразу за всех отсутствующих дам, но благодаря талантам Гарибада и галантной вежливости графа Финлиса я справилась.

Незадолго до того момента, когда этикет позволял мне покинуть ужин и оставить мужчин, Гарибад вновь обратился ко мне с неожиданными словами:

– Эвелин, я помню, как вы любили музыку, и мне захотелось порадовать вас. Вы позволите, Ваше Величество, моему менестрелю исполнить несколько песен для нисы?

Я видела, что Дамиан удивился. Вспомнила, что Бэзил Га-

рибад отличался изысканным вкусом и стремился иметь рядом с собой только лучшее, или, по-крайней мере, редкое. Потому выбранный им музыкант наверняка хорош. Дамиан почему-то не ответил сразу на просьбу Гарибада, и я умоляюще посмотрела на него.

– Я так давно не слышала хорошей музыки...

– Как я могу отказать прекрасной нисе? – пожал плечами император. – Впрочем, я тоже с удовольствием послушаю вашего менестреля.

Менестрелем оказался мужчина среднего роста, примерно моего возраста, больше похожий на воина скупой точностью движений и внимательным взглядом. Он не отличался какой-то особой красотой, но стоило зазвучать глубокому сильному голосу, как его лицо преобразилось, став невыразимо привлекательным.

Я действительно давно не слышала такого прекрасного голоса и не менее искусного владения инструментом. Баллада о любви рыцаря и нежной девы мне была незнакома, и это заставляло ещё внимательней вслушиваться в слова, написанные неплохим поэтом.

Когда песня отзвучала, похлопала музыканту не только я, но и император. По кивку Дамиана менестрель вновь прикоснулся к струнам, и моё сердце на миг замерло, а потом забилось быстрее. Я узнала мелодию и, едва зазвучали слова, словно перенеслась в прошлое.

Эту незатейливую песенку очень любила принцесса Юли-

ана, и песня звучала в мой последний год в герцогском дворце едва ли не каждый день, так что под конец печальная история любви пастушки и рыцаря чаще вызывала или смех, или досаду.

Но сейчас я словно ощутила аромат роз, который всегда сопровождал принцессу, увидела сияние безоблачного неба, почувствовала себя вновь той юной счастливицей, которая верит в то, что чудеса случаются.

Сладкая щемящая боль ностальгии по прошедшей юности и исчезнувшему счастью едва не вызвала слёзы, но зазвучавшая следом другая, бойкая и весёлая песня помогла сдержаться. Эта мелодия заставляла нас тогда пускаться в пляс, если звучала в покоях принцессы, где никто посторонний не мог видеть наше нарушающее этикет веселье, или улыбаться и пальцами отбивать ритм, если мы наслаждались музыкой на людях. Вот и сейчас я не могла сдержать улыбки. В моих ушах вновь звучал счастливый смех моих утраченных друзей.

– Ниса Эвелин, наш гость наверняка не может оставаться здесь долго, – прервал волшебные чары Дамиан, когда менестрель допел третью песню.

Я не сразу сообразила, что император намекает на то, что мне, как даме, пора их покинуть, дав возможность продолжить переговоры за бокалом с вином. Мне хотелось бы ещё послушать музыканта, но пришлось покорно подняться и направиться к выходу.

Проходя мимо Гарибада, я на миг задержалась:

– Спасибо, Бэзил.

– Тогда в знак мира позвольте вашу ручку, ниса, – усмехнулся он.

– Ну, если только в знак мира, – со смешком я протянула ему ладонь, думая, что он лишь изобразит поцелуй.

Бэзил прикоснулся осторожно, как к фарфоровой, и поцеловал кончики моих пальцев.

Мужчины проводили взглядом стройную фигуру.

– Ловко вы, Бэзил, – со странной интонацией произнёс граф Финлис. – Несколько песен – и вы по-настоящему прощены.

– Когда-то, Константис, я всерьёз собирался завоевать её сердце и изучил всё, что может порадовать нису Эвелин.

Обращался Гарибад к Финлису, но смотрел при этом на императора.

– Но вам это не помогло, – с лёгкой насмешкой заметил граф.

– Увы! Или, может быть, к счастью – не сложилось, – пожал плечами Гарибад.

– И вы до сих пор помните?

– У меня прекрасная память, Ваше Величество. Помню всё, что даже кажется уже ненужным. Знания карман не тянут, а всегда могут пригодиться. Как сейчас.

– И вы готовы поделиться накопленным? – спросил Фи-

лип, бросив короткий взгляд на императора.

– Зачем это нужно, когда крепость уже завоевана? – фыркнул Алексис Комин. – Разве что Филип имел в виду что-нибудь более полезное из ваших бездонных запасов знаний.

– Завоевана... – по губам Гарибада скользнула улыбка. – Женское сердце что птичка на ветке. Сейчас она здесь, радуется тебя трелями, а через мгновение – вспорхнула и исчезла в небе. Чтобы она тебе радовала дольше, надо постоянно подбрасывать зёрна в кормушку. А что касается полезных Филипу сведений, то я готов ими делиться, но, как понимаете, не бескорыстно.

– А какую плату вы, Бэзил, потребуете, если я попрошу на время уступить мне вашего менестреля? – поспешил спросить граф Финлис и пояснил. – Хочу порадовать жену,

– О, это уже не ко мне. Я ведь подарил его нисе Эвелин, так что теперь она решает.

– Уверен, ниса Эвелин не будет против того, чтобы поделиться с подругой, – сказал император. – Можете его забирать прямо сегодня, когда отправитесь домой.

– Похоже, вам нравится дёргать тигра за усы, Бэзил, – насмешливо протянул имя гостя провожавший его Комин.

– Для вас - нис Гарибад. Не обижайтесь, Комин. По имени я позволяю обращаться к себе немногим.

– Вот-вот. Император это заметил, – хохотнул Алексис

Комин. – Его явно от этого передёргивало. Стоило ли ради улыбки нисы раздражать Дагрониса?

– Пожалуй, тут обратный мотив. Ради раздражения императора я вызывал улыбку нисы.

– Тогда тем более не понимаю.

– Прежде чем выбирать сторону, предпочитаю заранее выяснить, насколько хладнокровен сюзерен. А то характер у меня сложный, и репутация у Гарибадов как вассалов тоже не ахти. Вдруг перейду на вашу сторону, а меня потом испепелят из-за неудачной шутки. Но вижу, ваш император достаточно владеет собой, чтобы этого не опасаться.

Глава 6

Встреча с Гарибадом, песня менестреля растревожили память и, оставшись одна в своей комнате, я невольно погрузилась в прошлое. Вспомнилась почему-то наша последняя перед моим замужеством встреча с Бэзиллом наедине.

Он держал меня тогда на крючке страха за Мару. Если за меня ещё было кому заступиться, да и общественное мнение осудило бы явную обиду, нанесённую благородной девице, то за служанку не вступился бы никто. Даже её исчезновение никого бы не встревожило. Кроме меня.

Потому я послушно отправилась в дальний конец парка, где в беседке у грота меня ждал Бэзил Гарибад. Здесь мало кто бывал, и свидетелей у нашего свидания не должно было появиться. Это добавляло мне неуверенности, и Гарибад, конечно же, это заметил.

– Эвелин, не бойтесь. Проходите, располагайтесь, – широким жестом пригласил он меня в беседку. – Вам ничего не грозит! Я всего лишь хочу накормить вас и поговорить. Вы ведь не думаете, что я могу напасть на вас? Лучшую ученицу нисы Риды?

Напоминание о том, что я хорошо владею женской магией и Гарибад об этом прекрасно знает, придало мне уверенности. Он не прикоснётся ко мне, если только я сама этого не позволю. А я не позволю!

Подбодрённая этой мыслью, я прошла в беседку и присела на мраморную скамью напротив Гарибада. Тот поднял с пола корзину, открыл её и принялся расставлять на плоском камне, игравшем в беседке роль стола, подготовленные слугами блюда и бокалы.

– Вы позвали меня сюда, чтобы накормить?

– И поговорить. Но покормить в первую очередь. Вы всегда были нежной и хрупкой барышней, а в последнее время и вовсе пугаете меня своим почти призрачным видом. Мне начинает казаться, что вы в любой момент развоплотитесь, как видение Лунной Девы. Успокоюсь, только когда увижу, как вы едите этот кусочек языка, – усмехаясь, сказал Гарибад, вкладывая мне в руку кусок хлеба с тонким ломтем какого-то мяса.

Из-за тогдашних переживаний я действительно почти перестала есть, и здесь, в беседке на свежем воздухе, в отсутствии любопытных взглядов, что преследовали меня во дворце, аппетит мой внезапно проснулся, и присутствие Гарибада этому не помешало.

Увидев это, Гарибад довольно улыбнулся и, как заботливый дядюшка, принялся подкладывать мне на тарелку “самые вкусные кусочки”.

– Не волнуйтесь, Эвелин, это самое слабое вино из моих запасов, – сказал он, извлекая из казавшейся бездонной корзины бутылку вина. – К тому же я велел разбавить его водой. Так что можете его пить, не опасаясь.

Я не стала с ним спорить, решив, что от пары глотков ничего страшного не случится. Он принялся разливать вино в бокалы, и мне показалось, что камень на его перстне вдруг замерцал. Я подумала, что солнечный свет так необычно играет на гранях, но так как заполнять молчание чем-то надо, то сказала:

– Как ярко сверкает камень на вашем перстне. Тоже, наверно, какая-то редкость?

Любовь Гарибада к собиранию всяческих редкостей была постоянной темой шуток во дворце. Сейчас я подозревала, что и его тогдашний интерес ко мне был вызван той же причиной - хотелось включить в свою коллекцию безродную сироту, воспитанную как принцесса.

– Сверкает?.. – задумчиво протянул Гарибад и бросил взгляд на привлёкшее моё внимание кольцо. – Этот?

Он провёл рукой над своим, а потом и моим бокалами, и камень засветился ярче. Стало понятно, что солнечные блики не причём. Свет исходил от кольца.

Гарибад нахмурился и окунул камень в свой бокал. Вынул и, подняв руку, внимательно всмотрелся в перстень. Я не могла видеть обращённый к нему камень, но, судя по продолжавшему хмуриться Гарибаду, ничего хорошего он не увидел.

– Нас хотели отравить? – спросила я, догадавшись, что это кольцо-артефакт.

– Не совсем... Это афродизиак, – и не давая дальнейших

пояснений, вскочил на ноги.

Он выплеснул налитое из бокалов, вылил и бросил в траву у беседки бутылку, торопливо побросал в корзину выставленные ранее блюда, не заботясь о том, что всё перепутается. Мне было немного жаль булочки и сыр, которые я не успела попробовать.

Видя, как я провожаю исчезающую еду грустным взглядом, Гарибад пояснил:

– Мало ли, остальное тоже может быть отравлено. Проверять некогда. Уходим! – и подхватив в одну руку корзину, в другую – мой локоть, потянул меня прочь из беседки.

Причём потянул не на выложенную камнями дорожку, по которой я сюда пришла, а в кусты и деревья, окружавшие место нашего сорвавшегося свидания. Сейчас я бы этому не удивилась, а тогда только растерянность и страх перед Гарибадом помешали мне сразу засопротивляться столь странному маршруту. Помню, что я мысленно возмущалась, переживая за свои тонкие парчовые туфельки, совсем непригодные для ходьбы по лесу, в который давно превратилась эта часть парка.

– Куда мы спешим? – всё же спросила я, устав запинаться о корни и камни, прятавшиеся в траве.

– Как можно дальше от ловушки.

– Ловушки?

– Беседки, – пояснил Бэзил Гарибад. – Раз нам подмешали афродизиак, а не редкий яд, значит, рассчитывали на пи-

кантное зрелище. И скоро могут появиться зрители. Если бы не вы, Эвелин, я бы остался, чтобы точно знать цели недоброжелателя.

– Думаете, я вам помешаю? Я немного владею защитной магией.

– Вы, конечно, способны на многое, Эвелин, но я предпочту не рисковать вами. Слишком мало сведений, чтобы судить о степени опасности.

– Опасности?

– Вы знаете, что такое афродизиак? Как они действуют? – спросил Гарибад, выведя меня наконец на малохоженную, судя по пробивающейся между камней траве, дорожку.

– Да, – подтвердила я и смущённо покраснела под внимательным взглядом мужчины.

– Тогда понимаете, чем могло бы закончиться наше свидание. Отнюдь не так невинно, как я задумывал.

– Я всё равно не понимаю в чём опасность для вас. Даже если кто-то нас увидел бы, окончательно рухнула бы только моя репутация.

– Моя бы тоже пострадала. Всё же я женатый человек.

– Что-то это вас до сих пор не останавливало!

– Но всё же прямых поводов для насмешек над моей супругой я старался не давать. Но вы правы, Эвелин, моей репутации случившееся особо не повредило бы.

– Только не старайтесь убедить, что заботились исключительно обо мне!

– Не собираюсь. Вы всё равно не поверите, – засмеялся Гарибад и остановившись, принялся меня внимательно осматривать.

Я едва не отпрыгнула, когда он вдруг наклонился к моим ногам и схватил меня за юбку. Лишь заметив листик в его руках, поняла, что Гарибад собрался устранить следы нашего пребывания в кустах.

– Возможно, кто-то действительно хотел предъявить кому-то подтверждение вашего легкомыслия и окончательно разрушить вашу репутацию. А я выступал бы как необходимое, но легко заменяемое, дополнение к сцене. И в самом безопасном для меня варианте невольные свидетели увидев всё, что хотели, молча покинули нас, не став мешать. И мы бы даже не узнали, что свидетели были. Подмешанный нам афродизиак не только пробуждает страсть, но и основательно путает сознание.

Говоря это, Бэзил продолжал осматривать меня и снимать приставший мусор с моих волос и платья. Это без всякого афродилиака смущало меня и заставляло сердце биться быстрее. Поэтому я сердито сказала:

– Зачем же тогда вы разрушили их планы? Разве это не то, что вы и так хотели – овладеть мной?

– Милая Эвелин, я конечно хотел обладать вами, но не так. Во-первых, я хотел бы сделать это в полном сознании, контролируя, так сказать, процесс, а не одуревшим от похоти, как мартовский кот. Во-вторых, наличие зрителей иногда

придаёт яркости ощущениям, но в случае с вами я в дополнительных стимулах не нуждаюсь.

Я не видела себя со стороны, но по ощущениям - полыхала от смущения. Полюбовавшись этим зрелищем какое-то время, Бэзил продолжил:

– А в-третьих, дорогая девочка, я уже не пылкий вьюноша, у которого одна мысль – как заполучить на своё ложе понравившееся тело. И телом и ограничиться. Мне вы нужны вся, целиком, а для этого афродизиак не помощник. Вы бы возненавидели меня потом. Вы ведь умеете накладывать отвод глаз? – внезапно переключился Гарибад.

– Да.

– Наведите его на нас и пойдём потихоньку по этой дорожке ко дворцу. Я должен убедиться, что вы благополучно влились в компанию придворных дам.

После того, как я выполнила пожелание Гарибада, мне пришлось опереться на его руку, чтобы идти дальше. Это сейчас мой дар позволяет накладывать отводящие взгляд чары легко, а тогда это требовало усилий. И после волшбы, да ещё и волнений от всего случившегося, мной овладела слабость.

Я шла молча, тяжело опираясь на руку Гарибада. Никого в обозримом пространстве нам пока не попадался, и видно поэтому Гарибад, плохо переносивший молчание, продолжил рассуждать о происшествии, не требуя от меня поддержания разговора.

– Но молчаливое исчезновение зрителей – это самый безобидный для меня исход. Меня могли бы банально прикончить сразу, “защищая вашу честь”, а я бы, одурманенный, даже не заметил бы нападения.

– Да, могли бы, – согласилась я.

– И убийцу никто бы не осудил. Даже разбираться не стали бы. И полное молчание о случившемся все бы сочли заботой о репутации благородной девы.

Какое-то время Гарибад шёл молча, обдумывая, похоже, свою неслучившуюся смерть.

– Да, получается, главной целью могли быть не вы, а я.

– Думаете, вас хотели убить, воспользовавшись мной, как прикрытием? Не слишком ли это сложно? И почему сейчас?

Про причины убить Гарибада и наличие желающих я спрашивать не стала. И так ясно, что и поводов, и желающих уничтожить Гарибада всегда в избытке. Даже мы с Марой иногда желали ему смерти.

– Момент показался удобным. Я немного отвлёкся на вас, вот враги и оживились, – пожал плечами мой спутник. – А может, меня не планировали убить так примитивно. Замысел мог быть и изящней. Тогда никаких зрителей могло бы и не быть.

Я бросила на него вопросительный взгляд и, ободрённый такой молчаливой поддержкой, Бэзил Гарибад продолжил выстраивать планы за своего неизвестного пока врага:

– Очевидно же, что я и вы выпили бы разное количество

вина. Вы – меньше, я – больше. И одурманило бы нас по-разному. Я потерял бы контроль полностью, так как и без того увлечён вами, а вы могли бы частично выйти из-под действия возбуждающего средства. Сочли бы происходящее насильем...

Я представила и мне стало дурно. Это и было бы насильем, только Бэзил, и так склонный всегда идти к поставленной цели, но обычно достаточно осторожный, одурманенный, не отступил бы, а я с ним вряд ли бы справилась.

– Вы ударили бы своим даром со всей силой, так как тоже были бы частично одурманены, и выжгли бы мне все мозги. Дар у вас сильный.

До сих пор помню, как посмотрел на меня Гарибад, живо, как и я, представивший описанное. Видно было, что он впервые осознал, что я могу быть опасна. Так что меня не удивило его исчезновение после того, как он благополучно доставил меня во дворец. И больше он не искал со мной встреч до сегодняшнего дня, но тогда из-за всех свалившихся на меня переживаний, а потом и отъезда с мужем в провинцию, мне некогда было обдумать случившееся. Я так и не узнала, кто стоял за попыткой то ли покушения на Гарибада, то ли моей окончательной компрометации.

Видно, из-за нераскрытой загадки это происшествие и сохранилось в памяти так ярко. Но сейчас его разгадка уже не имела значения.

– Почему ты здесь, а не в моей спальне? – прервал мои

размышления вошедший в мою комнату император.

– Я не знала, когда вы вернётесь. Думала, что поздно. И к тому же...

– Боялась, что выпью лишнего? Твой Бэзил - не та компания для долгой пьянки.

– Он не мой! – возразила я и поинтересовалась. – Стал вашим?

– А ты бы хотела?

– Мне всё равно, – открестилась я.

Иногда в Дамиане так явно прорывалась ревность, что дразнить его сейчас точно не стоило. Наверняка, Гарибад и так не удержался, чтобы не поиграть на нервах окружающих.

Я вдруг подумала, что Дамиану сейчас столько же лет, сколько было Бэзилу, когда он сказал о том, что вышел из возраста “пылкого вьюноши”. А если и Дамиану мало моего тела, и он хочет всё?

Глава 7

Я решила обсудить свои планы с Марой. Она меня вначале не поддержала.

– Что за глупости, голубка моя! У тебя сейчас наконец всё хорошо. Даже лучше, чем раньше! Вон даже личная горничная есть. Какие платья тебя шьют, как заботятся! Почёт, уважение, даже мне немного перепадает.

– Мара, это всё временно! Ты что, не понимаешь?

– Э, милая, мы и на земле-то живём временно. Было бы об чём горевать! Сейчас хорошо, и слава Богине-Матери, радуйся. Или ты боишься, что надоешь императору? Ну так что ж. Он мужчина заботливый, не бросит тебя голой и босой на улице.

– Так ты что, со мной не пойдёшь, если я решу уйти отсюда?

– Куда ж я денусь, детка? На кого я тебя оставлю? Пойду с тобой. Только подумай, куда спешить? Зачем искать себе неприятности раньше, чем они и так по твою душу явятся? И когда ты бежать надумала?

– Ещё не решила. Не раньше, чем Дамиан покинет замок. И потом не сразу.

– А, ну раз так, то ладно. До того времени ещё много чего случится может. Например, ты передумаешь.

И Мара оказалась права в своём нежелании обсуждать

мои планы. Незадолго до начала нового похода на ужине, устроенном в честь предстоящего события, граф Финлис внезапно обратился к императору:

– Мне кажется, ниса Эвелин заскучает в этом замке в ваше отсутствие, цезз. Моя жена приглашает её к себе, чтобы вместе скрасить ожидание нашей победы.

Мне показалось, что приглашение графа стало неожиданностью для Дамиана. Он нахмурился и ответил не сразу, и граф поторопился добавить:

– Ларии будет грустно в моё отсутствие, и компания подруги юности порадует её хоть немного.

Император бросил взгляд на меня и, подбирая слова, ответил:

– Как я слышал, Константис, ваша жена тяжело больна и, думаю, ваше общество порадует её куда больше. Вы останетесь с ней. На поле боя вас заменят ваши доверенные вассалы. Думаю, ваша помощь с поставкой провианта и работа с нашими тайными сторонниками среди арджурцев нам нужна не меньше. Заниматься этими важными делами вы можете и из вашего замка. При необходимости вашего присутствия рядом со мной воспользуетесь порталом.

На лице Константиса Финлиса отразилась явная борьба чувств. С одной стороны, как воин и рыцарь, он считал долгом сражаться рядом с сюзереном. С другой, если слухи о том, что Лария умирает, верны, то как любящий муж он не мог отказаться от предлагаемой Дамианом возможности

быть рядом с любимой в её последние дни.

Голос графа дрогнул, когда склонив голову, он сказал:

– Благодарю вас, Ваше Величество.

– А что касается нисы Эвелин – она отправляется со мной.

Похоже, это заявление стало неожиданностью не только для меня. На Дамиана с удивлением посмотрели все, а Алексис Комин даже рискнул высказаться:

– Вы уверены, цезз? Зимний поход – дело непростое, а ниса Эвелин всё же женщина, а не воин.

– Думаю, я смогу о ней позаботиться.

С этим спорить никто не рискнул, но по тому, как все замолчали и отвели глаза, было понятно, что решение императора продолжало вызывать у них сомнения. Я заметила, что скулы императора порозовели. Похоже, многозначительное молчание сотрапезников его всё же смутило, и он посчитал нужным дать пояснения.

– За последнее время выяснилось, что у нисы Эвелин есть интересные знакомства среди высшей аристократии Арджурии. И чем ближе мы будем приближаться к столице герцогства, тем эти её знания будут нам нужнее. Я прав, Филип?

– Да, цезз. Переписка, которую ведёт ниса даже объёмней чем та, что ведёт граф Финлис, – больше для остальных, чем для Дамиана, сказал его верный Пёс. – Вполне возможно, что они и вступить в переговоры захотят через нису, как Гарибад.

– Вот именно! – обрадовался поддержке император. – И

её связи и знания могут понадобиться мне в любой момент. Везти её для этого отсюда будет сложнее, чем сразу прихватить её с собой. Представь, Комин, что я дам приказ срочно доставить нису под Финлисс. Уверен, что сможешь обеспечить в этом случае её быструю, безопасную и комфортную доставку? Если скажешь, что да – я не стану тянуть нису Эвелин из замка сейчас.

По лицу мерарха Комина ясно читалось, как он зримо представил сложность поставленной задачи и степень ответственности в случае, если со мной что-то случится, когда меня будут везти по воюющим землям.

– Признаю вашу правоту и мудрость, цезз, – склонил голову мерарх. – Я за это не возьмусь.

Стало ясно, что вопрос со мной решён, и разговоры потекли дальше обычным путём. Только я выпала из застольной беседы. Я не понимала – почему о предстоящей поездке мне не сказали раньше? Ведь мне тоже нужно подготовиться в столь долгую и непростую дорогу. Решить вопросы со служанками. Проверить, есть ли у меня одежда для зимнего путешествия. Платья, что мне сшили по приказу императора явно для этого не подходили.

Все эти и множество других мыслей заполошно метались в моей голове, потому я почти не реагировала на обращённые ко мне слова и скоро вовлекать меня в беседу все перестали. Мне хотелось поскорее обсудить всё с Марой и потому, как только приличия позволили, я встала из-за стола, вы-

нуждая и остальных немногочисленных дам подняться, чтобы покинуть зал, дав мужчинам возможность окончательно расслабиться.

Неожиданно для меня император поднялся вместе со мною и предложил мне руку, показывая, что собирается сопровождать меня. Не скажу, что я этому обрадовалась. Я рассчитывала, что пока ужин продолжается, я смогу спокойно поговорить с Марой, а теперь этот разговор отложится до утра.

– Ваше Величество, не стоит из-за меня обделять своим вниманием ваших гостей, – негромко сказала я, пытаюсь остановить его уход. – Это почти неприлично.

– Я сам решаю, что прилично, а что нет, – прошипел Дамиан, при этом мило улыбнувшись.

Похоже, он пытался сохранить в секрете от наблюдавших за нами гостей своё испорченное чем-то настроение.

– И сам решаю, кому уделять внимание.

Я промолчала, но его раздражение задело и меня. Потому, когда резная тяжёлая дверь отрезала нас от оставшихся в зале, я позволила себе ответить:

– Разумеется, Ваше Императорское Величество, решаете вы. Но почему нельзя сообщить о своих решениях заранее? А не обрушивать на мою голову такой сюрприз перед всеми?

Император отпустил мою руку и остановился. Мы повернулись лицом друг к другу и замерли. На лице Дамиана застыла маска, скрывающая чувства, но золотые всполохи в

глазах выдавали злость. Я не понимала, чем она вызвана. Повод для обиды был скорей у меня.

– А я должен перед тобой отчитываться? – неприятным голосом произнёс император. – Сообщать о своих решениях?

“Тех, что касаются меня, – да”, – хотелось сказать мне, но расплавленное золото во взоре императора заставляло прикусить язык. Я не понимала, что разозлило его, а потому опасалась, что любой мой ответ может всё ухудшить.

Император Дамиан Дагронис

Она смотрела на него с опаской, и это злило ещё больше. Он злился не на неё. На себя. На обстоятельства. На любящих пошутить богов. Но не на неё. Хотя немного и на неё тоже.

Почему он, готовя поход, не подумал об Эвелин? Такой простой очевидной вещи – где она будет, когда они выдвнутся из замка. То, что она всегда рядом, казалось ему настолько привычным и правильным, что он даже не задумывался. И потому предложение Константиса застало его врасплох.

Не брать с собой графа император решил вчера. Слишком хорошо помнил, как мучила его самого совесть после смерти жены. Не хотел такого для Финлиса. Потому слова для него уже были заготовлены и сказаны легко, дав возможность хоть немного справиться с чувствами и вместо резкого “НЕТ!” внятно сформулировать свой отказ расставаться с Эвелин.

Удивление, которое не смогли сдержать услышавшие его слова приближённые, ясно показало, как странно выглядит его решение взять в зимний военный поход женщину. Не привычную ко всему походную шляху, а утончённую благородную нису, какой уже все воспринимали Эвелин. Дамиан и сам понимал, что тянуть её за собой жестоко, но всё внутри восставало при мысли о расставании.

Он не может без неё! Понимание этого обрушилось на Дамиана, вызвав смятение, растерянность и стыд. Стыд, потому что такая зависимость от женщины – слабость. И он выказал свою слабость перед всеми. Именно так все и поняли его решение, потому и отвели взгляды. Видеть слабость сильного правителя им неловко.

Император быстро нашёлся и сумел представить участие Эвелин в походе как политическую необходимость. Даже стратег Комин, недолюбливающий женщин, признал правоту и предусмотрительность императора, но сам-то Дамиан знал истинную причину. И это портило ему настроение.

К тому же Эвелин явно на него обиделась. Она, оставаясь рядом, словно исчезла из-за стола. Дарила всем, кроме него, вежливые улыбки, иногда даже что-то произносила, но мыслями явно унеслась куда-то далеко. Эта способность Эвелин возводить между ними стену из пустой вежливости и ускользать за неё, иногда доводила Дамиана до бешенства.

Сейчас он признавал, что она имеет право на обиду, потому поспешил встать вместе с нею, чтобы поскорей объяс-

ниться. И что же? С холодной улыбкой Эвелин ясно дала понять, что не желает его видеть: “не стоит из-за меня обделять своим вниманием ваших гостей”. Ещё и ткнула его носом в нарушение им этикета!

Да демон с ним, с этикетом! Все, и тот же Комин, поняли, что он спешит вымолить у своей любовницы прощение, послушным псом на поводке мчится за нею, а она смеет отвергать его! Как иначе понимать это её “Ваше Императорское Величество”. Он давно даровал ей право обращаться к нему наедине по имени, но должен едва ли не выпрашивать его каждый раз. Хотелось задеть её так же, как она задевает его своей непримиримой холодностью.

Эвелин молчала, не отвечая на его выпад. А ведь ей достаточно сделать шаг навстречу, прикоснуться к нему и сказать:
– Дамиан.

И он готов будет в ответ опуститься на колени и попросить прощения за то, что тянет её в войну, тяготы и холод. Но она молчала.

Император смотрел на хрупкую фигурку и бледное лицо и не понимал, как эта женщина обрела над ним власть. Обрела власть, но пользоваться ей не желает. И это оскорбительней всего!

– Ниса Эвелин, вы моя.., – на миг сбился Дамиан, не зная как обозначить своё право приказывать ей.

“Моя подданная”? Но женщина не может быть вассалом. Её муж умер, не принося клятвы новому императору и, воз-

можно, ниса дер Барри не считает себя подданной империи, а лишь Арджурии.

“Моя любовница”? Но на это Эвелин пошла не совсем добровольно, и факт того, что они любовники даёт ему право... Точнее, не даёт никаких прав, кроме как доставлять удовольствие нисе и получать в ответ то, что готова дать ему женщина.

Глаза Эвелин потемнели, она вздёрнула подбородок и выпрямилась, словно солдат, готовящийся принять незаслуженное наказание от командира. И Дамиан обрадовался, вспомнив о праве приказывать ей, о котором она сама попросила.

– Вы – моя придворная дама, обязанная служить императору там, где он посчитает нужным.

Из позы Эвелин ушло напряжение. Она кинула взгляд за спину Дамиана и спросила:

– Как Филип?

– Немного иначе, но да, как Филип.

Эвелин склонила голову и присела в неглубоком реверансе:

– Вы правы, Ваше Величество. Но...

Дамиан решил удовлетвориться на время этим признанием Эвелин его права брать её с собой хоть на войну, хоть на охоту, и отступить, пока они снова не разругались.

– Ждите меня в нашей спальне. Там поговорим, – приказал он и вернулся в зал.

Глава 8

По тому, как оборвался смех и гул голосов в зале, Дамиан понял, что его не ждали. В наступившей тишине он расслышал, как у кого-то вырвалось:

– Что-то он быстро. Видать, отказала...

Император обвёл сидящих за столом мужчин глазами, сверкающими жёлтыми всполохами, и кто-то испуганно икнул, а иные демонстративно схватились за кубки, показывая, что лично они пьют, а не говорят.

Константис Финлис уже ушёл, воспользовавшись отсутствием императора. Дамиан вздохнул. Иногда ему, как сейчас, не хватало Гайера. Единственного, с кем он мог говорить свободно, как друг, а не император.

Филип в чём-то походил на Эвелин. Дамиан доверял ему полностью, и считал его другом, но Пёс императора не забывал о разнице в их положении и не позволял Дамиану забыть о ней. Что уж говорить об остальных приближённых. Поделиться сердечными проблемами Дамиану не с кем.

Император наполнил бокал, и телохранитель провёл над ним рукою, обдав волной магии. Жесту никто не удивился. Проверять подаваемое на яды – обязанность Филипа. Но отхлебнув из сосуда, Дамиан едва не выплюнул напиток. Вместо вкуса благородного вина он ощутил подкислённую воду.

В ответ на его поражённый взгляд Филип произнёс ему

на ухо:

– Вам ещё с Эвелин встречаться, а ниса не любит пьяных. Вы правильно сделали, что дали нисе время привыкнуть к мысли о поездке.

“Нет, всё же Филип друг”, – решил Дамиан, благодарный за напоминание. Сейчас он успокоится, придёт в себя и вновь объяснится с Эвелин. Она ведь уже признала, что должна ехать с ним. Так что половина дела сделана. Он даст ей полчаса... Нет, чуть меньше...

Когда спустя пару тостов император поднялся из-за стола и покинул застолье, все вздохнули с облегчением.

– Надеюсь, цезз второй раз не вернётся, – сказал мерарх Далий. – Иначе я буду первым, кто скроется от него под столом.

– Всё зло от баб! – убеждённо заявил Алексис Комин.

– Или от их отсутствия, – хохотнул командир наёмников Руссель дер Байоль.

– Поддерживаю! – чокнулся с ним Далий. – Вот вы как хотите, а по мне пусть бы от нисы Эвелин вообще никакой пользы не было, а это и правда не так, главное, чтобы цезз был ей доволен. Признай, Алексис, что в этом походе после появления нисы цезз намного спокойней.

Комин задумался, а потом подтвердил:

– Знаешь, Далий, а ты прав! Только один раз я чувствовал, как пробуждается его сила. Когда ниса сидела в Северной башне.

– Да уж! Мне рассказывали, и то я впечатлился, – усмехнулся Руссель дер Байоль.

– А я в это время был здесь, – передёрнул плечами Комин.
– И повторения мне не надо. Так что хочется императору тащить в поход нису Эвелин, кто я такой, чтобы судить об этом?

Ниса Эвелин дер Барри

Дамиан очень вовремя мне напомнил об обязанностях придворных. Действительно, разве когда я служила принцессе Юлиане мне кто-то сообщал заранее о переездах из дворца во дворец? Часто и сама принцесса узнавала о предстоящем из разговоров и суеты слуг, которые начинали готовиться к поездке. Так что особого повода для обид у меня не было. Это последние несколько лет, когда я стала сама себе хозяйка, несколько меня разбаловали.

Да и реакция Мары, привычно ждавшей меня в спальне, добавила спокойствия.

– Вот и хорошо, что ты при императоре будешь. Он-то за тобой присмотрит. Не даст никому обидеть. Да и ты глупостей не наделаешь.

Похоже, её история с моим арестом особенно впечатлила.

– Я глупостей не делаю! – в ответ на её скептический взгляд, добавила. – Ты что мне детские истории до старости вспоминать будешь?

– Если б только детские, – хмыкнула она.

– Ты лучше подумай, как мы успеем собраться, – поспешила я переключить её на насущное.

– Да что нам! Чай, не впервой. Всё нужное у меня всегда наготове, а остальное Эмис соберёт, – тут Мара довольно прищурилась и пояснила причину своей радости. – Подумать только, выезжали от дер Барри, считай, с одним сундуком да травами, а теперь! Понемногу разживаемся.

– Думаешь, в военном обозе с нашим барахлом особо возиться будут?

– С твоим – будут, – уверенно сказала Мара и снисходительно посмотрела на меня. – Но ты права, детка, присмотреть за всем надо.

Она поспешила уйти, а я осталась размышлять. Ложиться не стала, дожидаясь Дамиана и обдумывая завершение вечера. Признала – император был в своём праве. Но я всё равно не понимала, на что он разозлился. Ведь я не спорила с ним. И мой вопрос прозвучал, когда он уже был сердит. Или я в своей глубокой задумчивости от новости пропустила что-то за ужином? Его раздражение относилось не ко мне?

Хотелось понять, чтобы не допустить ошибок. Обдумывая, как вести себя дальше, я вдруг поняла, что не боюсь Дамиана. Уверена, он не причинит мне настоящего зла, даже если рассердится. Просто мне тяжело даются ссоры, а Дамиан в гневе – всё же пугающее зрелище. Да и обидеть словами он умеет.

Потому когда он пришёл в спальню, я не торопилась за-

говаривать с ним. Смотрела настороженно, пытаюсь понять, в каком он настроении. Он также внимательно вглядывался в меня. Успокаивало, что цвет глаз его вернулся к обычной после яростной желтизны зелени.

Я хотела подняться с кресла, где ожидала его прихода, но Дамиан, не говоря ни слова, стремительно шагнул ко мне, опустился на колени, крепко обхватил мои ноги и уткнулся лицом мне в юбку. Мои пальцы сами собой привычно потянулись к его волосам и запутались в золотистых прядях.

– Эви, прости.., – слова, произнесённые мне в платье, прозвучали глухо. – Я понимаю, что тянуть женщину в зимний поход жестоко, но ты нужна мне.

– Я понимаю, мой император, и рада служить вам.

Дамиан на миг замер. Потом резко поменял позу, чтобы не стоять на коленях, а сидеть, опираясь на мои ноги и положил голову мне на колени так, чтобы видеть моё лицо.

– И в постели ты служишь мне, как императору?

Я заметила, что в зелени его глаз засверкали золотые зёрнышки и решила, что разумней будет не обижаться, а попытаться его успокоить.

– Ты прекрасно знаешь, Дамиан, что постель к службе отношения не имеет, – всё же дала понять, что его слова звучат обидно. – Наверно, мы стали бы любовниками, даже не будь ты императором. Я бы не устояла.

Я увидела, что золотые искорки исчезли, и цвет глаз стал напоминать море. Чтобы закрепить эффект, я наклонилась

и поцеловала его в лоб. Он прикрыл глаза, словно подсказывая, где ещё хочет ощутить мои губы. Я послушно поцеловала его веки, щёки, нос.

– Р-р-р, ты меня дразнишь! – засмеялся Дамиан. – Пожалуй, нам лучше перебраться в постель.

Я выпрямилась, давая ему встать, и успокаиваясь. В любовной игре мы уже хорошо понимали друг друга, и на этом поле я могла вести себя свободно, не сдерживаясь и ничего не опасаясь.

Дамиан поднялся, выдернул меня из кресла и тесно прижал к себе. Поцеловал. Подхватил на руки. На миг замер. Задумчиво сказал:

– Если бы я не был императором, мы бы не были любовниками, – и после паузы закончил совсем не так, как я подумала. – Мы бы никогда не встретились. Потому что ты жила бы в своей Арджурии, а я...

– А ты бы путешествовал с караванами в дальних странах. Помню! – засмеялась я.

– Бэзил, маги говорят, что ты продолжаешь поддерживать связь с этим выскочкой.

– Выполняя ваш приказ, – склонил голову перед герцогиней Юстинианой Гарибад. – Но я бы не стал называть его выскочкой, госпожа. Дамиан Дагронис – истинный император. Не стоит принижать врага. Это лишь вводит в заблуждение и мешает правильно оценивать опасность.

Герцогиня нервно стиснула платок.

– И насколько он опасен?

– Он из тех, кто идёт до конца. Если поставил цель, то не отступит, пока не добьётся.

– Думаешь, надо было отдать ему Феодоту?

– Госпожа, если бы ему была нужна только Феодота, вы бы давно пожертвовали дочерью ради благополучия подданных.

Герцогиня-мать бросила взгляд на советника, проверяя, почудилась или нет ей издёвка в сладких словах Гарибада. Но по его привычно-любезной улыбке понять это не получалось.

– Но ему нужна власть, а этим вы делиться не любите.

– Хочешь сказать – даже с сыном? – продолжила за него герцогиня. – На твоё счастье. Федр тебя почему-то не любит. Если бы не я, ты давно потерял бы место.

– Я ваш преданный слуга, госпожа, – склонил голову Гарибад.

– Ты был у Дагрониса. Видел его любовницу? Или он держит её взаперти, как говорят некоторые?

– Да, видел. Мне не показалось, что Дагронис её как-то особо ограничивает.

– И кто она? Или слухи и в этом лгут?

– Нет, госпожа. В этой части всё верно. Рядом с императором – ниса Эвелин, ваша достойная воспитанница.

Герцогиня откинулась на спинку кресла и нахмурилась.

– Я не понимаю... Она и в юности не блистала красотой, не

то, что Юлиана или даже графиня Финлис. А сейчас и вовсе уже не девочка. После жизни в медвежьем углу с неё и весь лоск небось сошёл. Ей ведь уже под тридцать! Ни свежести юности, ни аристократического блеска. Вряд ли такая сможет надолго удержать внимание императора. Это пока никого лучше рядом нет она у Дагрониса в фаворе.

– Я бы на это не рассчитывал. Эвелин сейчас в полной силе своей красоты. Она расцвела, стала женственной и интересней. Тогда это был бутон, а теперь – роза.

– Ты всё ещё к ней неровно дышишь?

– Нет, госпожа. Это было недолгое увлечение. Но именно из-за равнодушия я могу судить объективно. Ниса Эвелин, вы правы, не красавица, но достаточно привлекательна, чтобы заинтересовать при первой встрече. А затем её характер и воспитание придают ей ценность в глазах умного мужчины. Дагронис – умный.

– Не говори ерунды! Причём тут ум? Воспитание – это последнее, что ценит в женщине мужчина.

– Не буду спорить. Дагронис явно нашёл в нисе и другие, скрытые от меня достоинства. Но я не думаю, что он с ней легко расстанется.

– Но вряд ли она имеет на императора большое влияние. Иначе ты не пережил бы встречи. Или хочешь сказать, она забыла, как ты её преследовал?

– Не могу судить. Во всяком случае, я жив, и Дагронис не отказывается отвечать на мои письма.

– Он пишет тебе всякую ерунду, – махнула рукой герцогиня.

– Как и я ему. Но, согласитесь, в посланиях не чувствуется враждебности.

– Значит, император не придаёт значение её мнению. Только спит с нею, – фыркнула герцогиня, позволив проявиться своему раздражению в намеренной вульгарности. – А что она говорит о нашей семье?

– Мы это не обсуждали. Я говорил с Эвелин совсем недолго и только в присутствии императора. А он, мне показалось, не вполне в курсе её прошлого. Так что о вас или герцоге мы не заговаривали.

– Почему от этой девчонки вечно жди неприятности? – с досадой хлопнула по подлокотнику кресла герцогиня. – Как думаешь, её стоит убрать от Дагрониса?

– Я бы не советовал её трогать, госпожа, – покачал головой Гарибад. – Императору это наверняка не понравится.

– Почему вы, мужчины, вечно её жалеете? Казалось бы, ничего не стоящая козявка, а надо же – у неё всегда находится заступник.

Глава 9

Ниса Эвелин дер Барри

Хотя походную жизнь вряд ли назовёшь приятной, но всё оказалось не так плохо, как я ожидала. Теперь я ехала не в своём тряском фургончике, а в экипаже императора. Он постарался предусмотреть всё, чтобы уменьшить для меня тяготы пути. Кроме согревающих воздух артефактов пол и стены покрывали шкуры, почти сводящие на нет сквозняки. Передвигалось наше войско медленно, как неповоротливое огромное многоногое чудовище, и потому Дамиан сказал, что я могу в любой момент, если почувствую необходимость, приказать остановиться, чтобы иметь возможность отдохнуть от тряски и размять ноги.

Мне кажется, столь медленный темп продвижения был выбран намеренно. Император хотел дать возможность противнику собрать войско и выйти навстречу. Для арджурцев наш поход стал полной неожиданностью. Зимой у нас практически не воевали. Я не могла вспомнить из уроков истории ничего подобного. От внешних врагов нас защищали горы, зимой становившиеся непроходимыми для больших отрядов. Внутренние усобицы обычно начинали после весенней распутицы и к осени они завершались так или иначе.

Потому теперь даже разделённое на три части войско императора шло по Арджурии, как горячий нож сквозь кусок

масла. Большинство мелких крепостей и городов сдавались сразу, не доводя дело до битвы. Немногие сопротивляющиеся или захватывались с лёту, или оставались в кольце осады. Причём видно было, что осаждающих оставляли больше для того, чтобы не дать противнику ударить в спину движущейся дальше армии, чем всерьёз рассчитывая захватить крепость.

– Наконец-то! – воскликнул однажды Дамиан, прочитав появившееся из воздуха послание. – Гарибад пишет, что герцог Федр дал приказ своей армии выступать нам навстречу. А то я уж стал опасаться, что мы так и дойдём до его столицы, никого не встретив и распылив армию для того, чтобы держать под контролем всю эту встреченную по дороге мелочь.

– Дождались! – обрадовано воскликнул ужинавший с нами мерарх Далий. – Интересно, кто его возглавит? Стратига Аретаса мы заперли в Тарсе, а других хороших мерархов у арджурцев я не знаю.

– Наверно, сам герцог, – предположил император и посмотрел на меня.

– Не думаю, – возразила я, поняв, что император желает меня услышать. – Не знаю, кому доверят командовать армией. Я и раньше не очень представляла расклады у военных, а теперь и вовсе не в курсе. Но точно это будет не герцог. Наследника у него пока нет, только дочери, и герцогиня-мать не позволит ему рисковать.

– Мамочка не пустит, – засмеялся Далий.

– Во-вторых, – загнула я палец, – он и сам не захочет. Федр – не воин и никогда им не был.

– Но как это?.. – не сдержал удивления Дамиан. – Его должны были учить!

– Его учили по приказу отца, – согласилась я. – И он учился всему тому, что должен знать человек его положения. Но он не любил сражаться даже на поединках. А герцогиня его поддерживала в этой нелюбви. Говорила, что правителю не обязательно самому подставлять лоб под стрелы и заклинания. Его жизнь для этого слишком ценна. Для сражений всегда найдутся те, кому искусство боя даётся лучше, а у правителя – другая задача.

– Звучит достаточно здраво, – неожиданно поддержал мнение герцогини Филип. – Вам бы и самому иногда стоило действовать так же.

– И в-третьих, мне показалось по рассказам мужа, что и сами военные не слишком хотят видеть герцога во главе армии. Говорят, что те немногие стычки с противником, которыми командовал герцог Федр, заканчивались не слишком удачно.

– Значит выманить герцога из Финлисса не удастся, – протянул император. – Жаль! Было бы куда проще, убей мы его в бою. Ну что же, придётся придумывать что-то другое.

– Что же, скоро узнаем кто выйдет против нас, – предвкушающе произнёс Далий. – А Константис всё про него расскажет.

После этого наше перемещение по Арджурии ускорилось, и видеть императора я стала реже.

Иногда он появлялся только ночью. Я просыпалась от того, что он падал рядом на ложе, крепко обнимал меня и тут же засыпал, а с рассветом исчезал снова.

Но я не особо скучала. В дороге догнавшая нас Эмис знакомила с новостями высшего света Арджурии, которые я пропустила в своём “медвежьем углу”. Кто вышел замуж, кто овдовел, куда пристроили своих сыновей мои прежние знакомые, кто с кем обручён и что принято носить нынче. Лария Финлис, как супруга стратига, графиня, каждый год по несколько месяцев обязательно проводила при дворе, и Эмис отправлялась с нею. Благодаря её болтовне я теперь лучше представляла, чем живут мои адресаты и о чём они умолчали в своих письмах.

То, что Дамиану стало не до меня, позволило мне возобновить прежние знакомства. Вначале я нашла на привале шатёр целителей, где рада была поболтать с нисом Стефанисом. То, что до меня не долетали звуки сражений, вовсе не значило, что целители оказались без работы. Мелкие стычки с противниками разведчиков или бойцов арьергарда каждый день поставляли им раненных. Моя помощь с женской магией им пока не требовалась, раненных было немного и таких сложных, как осенью, пока не случалось.

Вначале целитель явно чувствовал себя неловко из-за того, как его слова использовались против меня на судилище.

Но я сразу сказала, что не держу на него зла. Ведь тогда он говорил только правду, не пытался никак опорочить меня. А в том, как его слова использовали жрецы, вины целителя не было.

Убедившись, что я говорю искренне, Стефанис оттаял и дальше вёл себя со мной уже как раньше, пообещав, что если в моей помощи появится нужда, он обязательно скажет. А на мою просьбу разрешить мне готовить у них отвары и мази для себя, он и вовсе махнул рукой. Мол, о чём разговор!

Я собиралась приготовить себе и моим служанкам несколько кремов для смягчения кожи и защиты губ от сухости, отвары от простуды для Айвара. Муж Мары целый день трясся на ветру, управляя нашим старым фургоном, и Мара говорила, что он стал кашлять. Да и самой Маре с Эмис они могли пригодиться. Всё же они куда больше времени проводили на холоде, чем я, и угроза простуды для них была куда весомей, чем для меня.

К тому же я сказала Маре отыскать Рыжую Барб и сказать ей, чтобы если она хочет меня увидеть, то пусть на одном из привалов тоже подойдёт к целителям. Сама я идти к ней не рисковала. Помнила, как сердился император из-за моего знакомства с ней. Лучше не дразнить его столь неподходящим для благородной нисы общением. Мне бы Дамиан ничего не сделал, а вот про Рыжую Барб я не была так уверена. И подставлять под гнев императора женщину, дважды мне помогавшую, не хотелось.

Мара разделяла убеждение императора, что с такими, как Рыжая Барб, мне иметь дело не стоит, но, поворчав, всё же выполнила мой приказ, и отыскала её. Так что на одной из очередных остановок мы встретились с рыжей маркитанткой у шатра целителей, когда я как раз доваривала настой трав от кашля.

– А я уж думала, что ты обо мне и не вспомнишь, – с усмешкой сказала Барб. – Уж больно ты высоко взлетела.

– Я добро не забываю, – ответила я. – И договоры тоже. Если тебе всё ещё нужны мои зелья, то сейчас я могла бы сделать их и для тебя. А Мара бы потом передала.

– Я-то не откажусь. У меня их сейчас с руками купят. А вот тебе-то зачем? Или жалованья тебе только пообещали, но так и не платят? И ты и моей копеечке рада?

Я улыбнулась в ответ на её смех, а сама подумала, что и вправду - обещанного жалованья чтицы я пока так и не увидела. И стоит уточнить у Дамиана, у кого и как я могу его получить.

– Деньги никогда лишними не будут, – пожала я в ответ плечами.

– Это точно, – согласилась Барб и подмигнула мне. – Сейчас ты в фаворе, а завтра поход закончиться нашей победой, император женится на крошке Феодоте и вынужден будет дать тебе отставку. Тогда-то денежки и помогут сделать расставание легче.

Ярко накрашенные губы Барб улыбались, а глаза цепко ло-

вили мою реакцию на её слова. И я с трудом удержала лицо, так меня почему-то поразили её слова о браке Дамиана и Феодоты. Как-то я в своих мыслях о будущем совсем забыла о том с чего началась эта война – с отказа императору в руке арджурской принцессы.

Понятно, что этот брак – политика. Всего лишь оформление вассалитета Арджурии, её возвращение в империю в статусе провинции. Я всегда это так понимала, но тогда Дамиан был для меня абстракцией – правителем, который хочет владеть герцогством. А теперь он превратился в живого, привлекательного мужчину, моего любовника, который так умело доставляет мне наслаждение.

И какие бы политические расчёты за этим не стояли, но брак остаётся браком. И Дамиан возляжет на ложе с юной Феодотой, со всем своим искусством будет стараться радовать жену и надеяться на то, что у них появятся дети. Появляться с ней на людях, не пряча чувств, если они будут. А они вполне могут появиться, ведь Феодота умна, образована и красива. И к тому же моложе, чем я.

А я буду тенью у трона, радующей любовника своим телом тайком, лишь тогда, когда жена отвернётся. Мысли об этом звучали в голове не так ясно и связно, как я их излагаю. Скорее смутным образом, причиняющим боль. И боль эта была такой сильной, что я онемела.

Похоже, Барб поняла, что я говорить не в силах, а потому продолжила, считая, что так меня успокоит:

– Хотя наш император – мужчина щедрый. Все говорят, что когда он расстаётся с любовницами, то осыпает их драгоценностями, а некоторым дарит и земли. Уверена, что и тебя он не обидит. То, что ты получишь от меня за зелья, покажется тебе тогда крохами.

– Ничего, крохи – да мои, честно заработанные, – с трудом выдавила я, стараясь прийти в себя.

– Что же, значит, договорились, – кивнула мне Барб. – Тогда я, пожалуй, пойду. Не буду больше рядом с тобой маячить. Всё же ты теперь не абы кто, а придворная дама.

И резко развернувшись, направилась прочь от шатра целителей.

Несмотря на боль, что всё ещё тупо ныла в груди, я была благодарна Барб за то, что она внезапно и жёстко напомнила мне о реальности. С иллюзиями жить легко и приятно. Жаль, что они всегда разбиваются, нанося кровавые раны. И лучше очнуться сейчас и подготовиться к крушению, ведь его не избежать. Дамиан женится на Феодоте, и строить свои планы на будущее надо исходя из этой печальной для меня реальности.

Глава 10

Я ещё не вполне отошла от напоминания Барб, когда меня нашёл Дамиан. Желая немного успокоиться, я не пошла сразу в его шатёр, а решила немного прогуляться вдоль внутренней границы лагеря и сосредоточено отмеряла шаги, когда он внезапно нагнал меня сзади и обнял за талию.

– Куда это ты? Или заблудилась? От целителей дорога в мой шатёр совсем в другой стороне.

– Нет, не заблудилась. Хотела немного погулять, а то всё время то в повозке, то в шатре. Хоть немного ноги разомну.

– Давай тогда прогуляемся в другую сторону, поближе к шатру. Там и поужинаем.

Спорить с императором неуместно, а в данном случае и бессмысленно. Мне всё равно куда идти, тем более теперь, когда одиночество мне не светит. Дамиан любезно предложил мне локоть и, когда я на него оперлась, аккуратно развернул наш путь в другую сторону.

Какое-то время мы шли молча. Потом Дамиан спросил:

– Тебя кто-то обидел?

– Нет.

– Но я вижу – ты расстроена. Мне спросить у твоей охраны? – напомнил мне Дамиан об ещё одном обстоятельстве, о котором я совсем забыла.

Оборотни, которые везде сопровождали меня, старались

быть незаметными, но не были ни глухими, ни слепыми. И в отличие от настоящих волкодавов, чей облик они принимали, могли рассказать императору обо всех моих встречах и разговорах.

– Точно! Я совсем забыла о приставленных ко мне соглядатаях, – мне совсем не хотелось, чтобы Дамиан узнал, о чём мы говорили с Барб, и не утихшая ещё боль прорвалась раздражёнными словами.

– Не соглядатаи, – поправил меня император, – а охрана.

– А в чём разница, раз они докладывают тебе о каждом моём шаге?

– А тебе есть что скрывать? – остановился Дамиан и повернулся ко мне лицом.

– Откуда же? Если я даже на миг не остаюсь одна?

Я сама слышала, как скандально и неприятно звучит мой голос, совсем не так, как подобает говорить с императором. Я думала, что Дамиан рассердится, и даже ждала этого. Тогда я могла бы позволить себе обидеться и больше не говорить с ним. Какое-то время.

Но даже в поводе для обиды Дамиан мне отказал!

– Дорогая, ты же понимаешь, охрана необходима, – терпеливо, как ребёнку, сказал император и коснулся моего лица, отводя выбившуюся из-под капюшона прядь. – Они вовсе не докладывают мне о каждом твоём шаге. Их задача в другом. Но я вижу, что ты расстроена и не хочешь называть причину. Мне надо знать, чтобы устранить её.

– Ты не можешь её устранить! – сжала кулачки я. Мне хотелось топтать ногами и визгливо кричать на него, но приходилось сдерживаться. – Ты не можешь устранить ветер! Ты не можешь устранить холод! Бесконечную дорогу! Отсутствие нормальной ванны и крыши над головой! Отсутствие дома!

На последнем слове голос у меня дрогнул, и я едва не расплакалась. Поэтому развернулась и упрямо направилась назад по тропе, по которой шла до его появления. Но далеко мне уйти не дали. В один шаг Дамиан догнал меня и крепко обнял.

– Я понимаю. Ты просто устала, милая, – тихо прошептал он, целуя меня в лоб.

– Да! Устала! От всего! И не предлагай мне сидеть в твоём шатре, чтобы не уставать. Если я буду заперта, то устану в два раза сильнее!

– Но сейчас всё же пойдём в шатёр. Лучше поговорим там.

Я осознала, что кричу на императора, а он меня обнимает и целует перед толпой зрителей. Мара, Филип и два волкодава стоят почти вплотную к нам и слышат всё. А все остальные обитатели военного лагеря – в отдалении. Они скорее всего не слышат наших слов, но иногда жесты и мимика говорят не меньше. Пришлось послушно вновь опереться на предложенную руку Дамиана и направиться вместе с ним к его шатру.

Размеренный шаг, молчание и прохладный ветер, овеивав-

ший лицо и забиравшийся под плащ, остудили мне голову и помогли взять себя в руки. Похоже, почувствовав это, Дамиан вновь заговорил:

– Прости, Эви!

– За что?

– За то, что взял тебя в поход. Большинство дам начали бы ныть и жаловаться куда раньше.

– Я не ною!

– Конечно нет. Ты вообще – золото! Дар богов, как подсказал твой Гарибад.

– Он не мой!

– Конечно, конечно. Но в главном-то он прав, – продолжал зубоскалить Дамиан.

Решив, что определил причину моего плохого настроения, император успокоился и собирался теперь поднять настроение и мне.

– И в чём именно он прав?

– В том, что ты – драгоценная жемчужина, а с драгоценности лучше не спускать глаз, – неожиданно Дамиан вздохнул и продолжил почти шёпотом. – И взял тебя с собой прежде всего поэтому. После прошлого раза боюсь оставлять тебя одну. Кажется, что обязательно что-то случится, а меня не будет рядом.

– Что со мной может случиться, – смиряясь, проворчала я.

– И вы правы, цезз, – неожиданно вмешался в наш разговор Филип. – Утром мне прислали сообщение из замка, где

должна была бы остаться ниса Эвелин. Я не успел доложить вам.

– И что в нём?

– Поймали соглядатая. Он признался, что должен был отравить нису Эвелин.

– Что?!

– Что? – одновременно с Дамианом вырвалось у меня. – Но кому это нужно?

– Я надеялся, что вы, ниса, знаете, – почтительно сказал Филип, внимательно вглядываясь в меня.

– Откуда? У меня нет врагов...

– Это вы так думаете. Кто-то считает по-другому.

– Кто-то на той стороне, – нахмурился Дамиан. – На нашей все знают, что Эви со мной.

– Теперь знают и там, но когда его отправляли – не знали. Рассчитывали, что пока он доберётся, пока осмотрится и найдёт возможность подсыпать яд, вы, цезз, уже покинете замок, а ниса как раз останется одна почти без охраны. Так что ваше решение взять нису с собой вдвойне правильное.

Дамиан прикрыл мою руку, лежащую на его локте, второй рукой, то ли стремясь поддержать, то ли для собственного спокойствия.

– Не понимаю, кому это надо... Зачем? – никак не могла собраться с мыслями я.

В новости был только один плюс. Она вышибла из моей головы все печали по поводу предстоящего брака императо-

ра и Феодоты. До этой свадьбы ещё дожить надо суметь.

За разговором мы незаметно дошли до императорского шатра, куда Дамиан меня торопливо увлёк, бросив сопровождающим нас:

– Не входить, пока я не позову.

– Мара, ты свободна на сегодня, – добавила я, понимая, что в ближайшее время она мне точно не понадобится.

Даже если сейчас император начнёт с разговоров, выпытывания сведений о моих неведомых врагах, то ясно, чем всё равно закончится наша беседа.

Но Дамиан решил начать не с вопросов и выяснений. Едва за нами опустился полог, он впился поцелуем мне в губы, крепко прижимая к себе.

Мне и самой хотелось врасти в него, вцепиться руками в крепкие плечи и густые волосы. Мы целовались, пока хватало дыхание.

Одежда мешала, но на то, чтобы спокойно раздеться не хватало терпения. Почти не размыкая объятий и не прекращая целоваться, роняя по дороге те части одежды, от которых получалось быстро избавиться, мы, спотыкаясь и запинаясь, продвигались к ложу. В моей крови словно лихорадка горела и хотелось плакать. Лишь когда Дамиан сильным толчком вошёл в меня, слёзы отступили. Всё в мире словно встало на правильные места.

Я знала, что это иллюзия, но трезвые мысли сейчас мне были не нужны. Каждый его толчок во мне подтверждал:

Сейчас он мой! Я жива!, а что будет завтра – знают лишь боги.

Не знаю, о чём думал Дамиан, когда потом опустошённый схлынувшей страстью, молча лежал рядом, а я решила, что нет смысла горевать о предстоящей в будущем императорской свадьбе. Могут случиться и беды посерьёзней – смерть, болезни, раны грозят и мне, и Дамиану. У императора слишком много врагов и завистников у меня, чтобы тратить душевные силы на страдания о том, что ещё не случилось. Надо радоваться тому, что есть у меня сейчас.

Потому я не стала думать о том, кто и с какой целью собирался отравить меня. И когда за ужином Филип попытался спрашивать о возможном заказчике отравления, то честно повторила:

– Не знаю. Мало ли у императора врагов на той стороне? Причиной могла стать личная ненависть и месть за погибших, а может хладнокровный расчёт - желание ослабить императора. Или кто-то собирается подсунуть вам свою дочь и хотел заранее освободить место. Перебирать можно бесконечно, но смысла я в этом не вижу.

– А что сказал сам пойманный? – спросил император.

– О заказчике - ничего. Пленник умер, как только дошли до этого. Похоже, был связан магической клятвой, – ответил Филип.

Император нахмурился и уставился в пол, словно не хотел смотреть на меня или Филипа. Прерывисто вздохнул:

– Да, ты права. Желаящих причинить мне боль, навредив тебе, слишком много, чтобы строить предположения без веских оснований. Филип, предупреди охрану нисы. Пусть будут ещё внимательней. Если с ней что-то случиться, я с них шкуру спущу!

– Не волнуйся, цезз, они с неё глаз не спустят. Здесь, рядом с тобой, ей безопасней всего.

Оставшийся вечер мы с Дамианом провели вдвоём, не покидая его шатра. Разговаривали, я читала ему записки купцов, побывавших в далёких жарких странах, где водятся, если верить им, странные длинношеее животные, огромные огненные птицы и приносящие смерть мухи. И казалось, что шатёр - это маленький остров, где тепло, безопасно, и нет никого, кроме нас.

Я больше не думала об отравителе. Но среди ночи проснулась от кошмара, где мы с Гарибадом сидели в саду. Он разливал вино. Перстень его светился, предупреждая о яде, но Гарибад не замечал этого, а я, как ни пыталась, не могла вымолвить ни слова. Я проснулась с бьющимся сердцем и перехваченным спазмом горлом. Почему я так и не узнала у Гарибада, кто тогда пытался так безжалостно поступить со мной?

Глава 11

Я проснулась, когда Дамиан уже ушёл. Не удивительно. Хоть меня не посвящали в военные планы, но по всему очевидно, что сегодня или завтра разразится решающая битва. Две армии вчера встали друг против друга и явно ожидание стычки не продлится долго. Напряжение висело в воздухе, и лишало меня аппетита, хотя завтрак уже стоял на столике в шатре

– Мара, собери еду с собой, и мы отправляемся к целителям, – приказала я, пока Эмис помогала мне одеваться.

Для подаренной мне служанки походная жизнь явно была непривычна, но она не жаловалась, и старалась и мне придавать, несмотря на трудности, почти столичный лоск. Но сегодня утром, когда она расчёсывала и укладывала мне волосы, то выглядела рассеянной. Её руки немного дрожали, и пару раз она немного больно дёрнула мои пряди.

– Что с тобой, Эмис? Что-то случилось?

– Вы такая храбрая, госпожа, – вздохнула она в ответ на мои вопросы. – Когда мы с Марой сюда шли, то видели сколько там арджурских солдат вдали. Прямо черным-черно! Только оружие и доспехи посверкивают. И все они на нас кинутся!

– Так ты боишься? – Конечно! Говорю же, я не такая храбрая, как вы.

– Я вовсе не храбрая. Тоже боюсь.

– Если бы боялись, то сидели бы здесь и никуда не ходили.

Я не стала объяснять, что остаться без дела мне куда страшнее. Там, возле целителей, необходимость что-то делать для раненых, займёт меня, отвлечёт от мрачных мыслей и бояться будет некогда.

– Нет, мне спокойней там. А ты, если боишься, можешь остаться здесь, – предложила я Эмис.

– А так можно?

– Конечно. Наведёшь здесь порядок, займёшься моими платьями и одеждой императора. Почистишь всё, проверишь, приведёшь в порядок.

Эмис просияла:

– Спасибо, госпожа!

Мара подхватила корзинку, куда сложила несъеденный завтрак, и поспешила вслед за мной к целителям.

Там царил суета. Все готовились к наплыву раненых. Первые уже были, хотя армии ещё не сошлись. Как поняла, это жертвы ещё ночных разведывательных стычек.

Нис Стефанис обрадовался моему появлению и попросил приготовить запас кровеостанавливающих настоев.

– Магии на всех, как всегда, не хватит, а эти зелья позволят многим дождаться помощи.

Состав таких зелий и порядок приготовления я хорошо помнила, так что спокойно занялась делом. Процесс был несложный, но требовал сосредоточенности. Это помогало

не думать о том, началось ли и как идёт сражение.

Вдруг я почувствовала какое-то странное напряжение и, оглядевшись вокруг, поняла, что не я одна. Целители и охранявшие меня оборотни явно тоже что-то почувствовали. Магические потоки, привычно-неощутимые до этого, явно менялись. Всё набухало силой, словно воздух перед грозой.

Удар! Взрыв! Треск пламени где-то неподалёку. Выйдя из-под навеса, где я варила зелье, посмотрела в сторону случившегося взрыва и поняла, что пылает шатёр императора.

– Эмис! Там Эмис!

Я хотела побежать туда, но бросившийся под ноги оборотень остановил меня. Второй, принявший уже человеческий облик, сказал:

– Ниса, вам лучше оставаться здесь. Если помощь возможна, то там есть кому её оказать. Вы только мешаете. Отвлечёте внимание на себя.

Он был прав, и я замерла, прижав руки груди, глядя в сторону поднимающегося дыма и молясь Богине-матери о спасении моей служанки. Сосредоточенная на этом, я не обратила внимания на серебряный звук сигнальных труб, выпевавших незнакомую мне короткую мелодию. И лишь изумлённый вид старшего целителя подсказал, что происходит что-то необычное даже для генерального сражения.

– Похоже, у нас сегодня работы не будет, – странным голосом произнёс нис Стефанис. – Давненько я не слышал этого сигнала. Ещё с Кивиррии.

Пламя и дым над императорским шатром не утихали. Я подозревала, что для Эмис всё закончилось плохо, потому что никто не спешил от туда со спасёнными пострадавшими, никто не бежал к целителям, зовя их на помощь.

– А что в Кивиррии? – спросила стоявшая рядом Мара.

Я порадовалась, что она всегда сопровождает меня, а не осталась сегодня в шатре, как Эмис. А потом меня настигла мысль, что я и сама могла оказаться там.

– В Кивиррии наш император впервые использовал свой дар Древней крови. Мятежников было больше, чем нас, и они считали, что сумеют расправиться с молодым императором. Живых среди них не осталось... И наших тоже прихватило. Тех, кто увлёкся боем и не успел отступить по такому же сигналу труб. Да... Не думал, что ещё раз...

Не договорив, целитель развернулся и ушёл в лечебницу. Мне хотелось одновременно бежать в разных направлениях: к шатру, чтобы узнать, что с Эмис, и к холму, где была ставка Дагрониса. Но мне и с места сдвинуться не удалось. Обратни не дали.

– Ниса, вы должны оставаться здесь. В такой непонятной обстановке лучше не дёргаться.

И пришлось мне доваривать зелье в ожидании новостей. Появившиеся вскоре гвардейцы с сильными ожогами принесли печальную весть – Эмис погибла.

– Полыхнуло так, что нас отбросило. Занялось сразу, девушке было не выскочить. Мы попытались пробиться, но

жар такой, что волосы сворачивались, и опаляло даже на расстоянии. Огонь непростой – магический. Пока всё не спалит – не потушить.

– Богиня-заступница, – пробормотала рядом Мара, – а мы ведь могли быть там, если бы не ваше доброе сердце, госпожа.

У меня кружилась голова и было физически плохо от мыслей о происшедшем. Мысль, что Эмис, которая ещё утром расчёсывала мои волосы, помогала мне одеваться, больше нет, никак не укладывалась в голове. Если бы я приказала ей идти с нами, она не погибла бы. А я ведь хотела как лучше. И она так радовалась, что удалось остаться в безопасности. Но безопасных мест на войне нет. Смерть может настигнуть тебя в любую минуту.

О том, что происходит на поле сражения, нам рассказать было некому. Вопреки обычному ходу дела, никто не привозил раненых, и от этого напряжение лишь усиливалось. Что происходит? Кто побеждает? Что с Дамианом?

У меня уже звенело в ушах и темнело в глазах из-за переживаний, когда охранявший меня оборотень-пёс замер, словно к чему-то прислушиваясь, а потом, обернувшись человеком, обратился к напарнику:

– Ноэм велел отвести нису к шатру мерарха Далия. Император там.

Я едва не в припрыжку отправилась за ним, радуясь тому, что хоть что-то меняется, и скоро станет известно, что про-

изошло.

Шатёр Даляя находился в другом секторе лагеря, так что тропа к нему проходила через небольшой холм, с которого можно было увидеть поле, где должно было развернуться сражение. Но вместо схватки или тел раненых и убитых бойцов по чёрной пустоте ветер носил белую позёмку – то ли снег, то ли пепел. От этого зрелища становилось тоскливо и жутко.

У палатки Даляя нас встретил Филип.

– Ниса Эвелин, я рад, что вы живы! Но кто был в шатре?

– Моя служанка – Эмис.

– Жаль девушку, но хорошо, что не вы. Иначе всё кончилось бы куда хуже. Только когда я сказал императору, что вы живы, он сумел хоть как-то взять свою силу под контроль.

Я никогда раньше не видела Филипа столь говорливым. Похоже, он действительно волновался и сейчас испытывал облегчение, воочию убедившись, что я жива.

– Заходите, ниса, – приглашающе откинул он полог шатра.

– Пусть и цезз успокоится.

Я скользнула внутрь. После яркого света снаружи в шатре мне показалось темно и я не сразу заметила лежащего на брошенных на пол шкурах Дамиана.

– Ты ранен? – другого объяснения тому, что он лежит здесь, а не командует своей гвардией, я не видела.

Дамиан открыл глаза, и по их мерцанию стало ясно, как он беспокоен.

– Нет. Ты жива. Филип не солгал.

Я прошла и опустилась на шкуры рядом с ним.

– Ты не ответил – ты ранен?

– Нет. Тебе лучше уйти.

– Почему? Что случилось?

– Я убил их всех. Эти смерти усилили мой дар. Мне нужно время теперь, чтобы подчинить силу Древней крови. Тебе может быть опасно рядом со мной.

Я вспомнила, как Дамиан напивался после прошлого сражения, когда погибло много людей. Раньше я считала императора Дагрониса бесчувственным и жестоким, а теперь знала, что ему тоже бывает тяжело. Я не понимала, что он чувствует сейчас, но оставлять его одного считала неправильным.

– Не верю, что ты можешь причинить мне вред. Если хочешь, я попробую помочь тебе успокоиться с помощью своей магии. Как Питеру. Это совсем лёгкое воздействие. Оно быстро развеивается и не ведёт к привязке.

Губы Дамиана дрогнули в кривой ухмылке:

– Мне, похоже, уже поздно бояться привязки. Хорошо, попробуй.

Получив разрешение, я прикоснулась к его руке и направила лёгкую волну тепла и покоя. И почувствовала, как тёмная сила Дамиана жадно качнулась в мою сторону. Император отдёргнул руку. Я отшатнулась. Показалось вдруг, что его темнота поглотит меня. Но нет. Стоило отозвать свою магию,

и я перестала чувствовать его силу.

Глаза императора засветились ярче, а потом погасли. Сейчас, в полумраке шатра, я не могла разглядеть их цвет

– Вы сердитесь? – невольно вернулась я к прежнему почтительному тону.

– Нет. Не сержусь. Но это было... странно. Моя сила отозвалась на твою. Я не причинил тебе вред?

Я прислушалась к себе.

– Нет. Со мной всё в порядке.

Мало кто способен видеть чужую магию, но я ощущала сейчас силу Дамиана. Воздух, казалось, загустел, я покрылась гусиной кожей, словно вот-вот рядом ударит молния, волны холода сменялись жаром.

– Наверно, мне всё же лучше уйти, – попыталась приподняться со шкур я.

– Нет! – схватил меня за руку Дамиан. – Сейчас останься. Моя сила волнуется. Я могу не сдержаться...

Я снова присела рядом. Чувствовала, что он говорит не о влечении, а о магии, и решила пошутить, чтобы избавиться от тревожного напряжения, повисшего между нами.

– И что такого необыкновенного случится, если ты не сдержишься? Что-то отличное от того, что было вчера ночью?

Мне нестерпимо захотелось поцеловать его крепко сомкнутые губы, и я не стала бороться с этим желанием. Подалась к нему и поцеловала. В первый миг он не ответил, и

мой язык попробовал взломать эту крепость. И уже через два удара сердца штурмуемой крепостью почувствовала себя я.

Волны жара и колода, что окатывали меня перед этим, обжигаящим пламенем взорвались внутри, заставляя кипеть кровь и выжигая все мысл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.